

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Костромской государственный университет

Ю. В. Лебедев, А. Н. Романова

ЛИТЕРАТУРА

КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Вторая половина XVIII –
первая половина XIX века

Учебное пособие

Кострома
КГУ
2018

УДК 82(470.317)
ББК 83.3(2Рос-4Кос)5я73-1
ЛЗЗ

Рекомендовано редакционно-издательским советом
Костромского государственного университета
в качестве учебного пособия

Рецензенты:

Н. Л. Ермолаева, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской словесности и культурологии
Ивановского государственного университета;

кафедра русского языка и литературы Арзамасского филиала
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского»
(зав. кафедрой кандидат филологических наук,
доцент О. В. Никифорова)

Лебедев, Ю. В.

ЛЗЗ Литература Костромского края: Вторая половина XVIII –
первая половина XIX века : учеб. пособие / Ю. В. Лебедев,
А. Н. Романова. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та,
2018. – 140 с.

ISBN 978-5-8285-0945-4

Учебное пособие знакомит с биографией и творчеством литера-
торов, связанных с костромской землей.

Предназначено для студентов, обучающихся по направлениям
«Филология» (профиль «Отечественная филология»), «История»,
«Педагогическое образование» (профили «Русский язык», «Литера-
тура», «История»). Может использоваться также для проведения за-
нятий или организации индивидуальной работы по литературному
краеведению.

УДК 82(470.317)

ББК 83.3(2Рос-4Кос)5я73-1

- © Ю. В. Лебедев, предисловие, тексты глав
о писателях, заключение, 2018
- © А. Н. Романова, главы о Ф. Г. Волкове, П. П. Свиныне,
методическое сопровождение, 2018
- © Костромской государственной университет, 2018

ISBN 978-5-8285-0945-4

Введение

В конце XVIII – начале XIX века русская литература вступала в зрелую фазу своего развития. Ключевой проблемой являлось для неё формирование литературного языка. До середины XVII века таким языком в России был церковнославянский. Но с «Жития протопопа Аввакума» и бытовых повестей второй половины XVII века начался процесс формирования *новой* (светской) литературы. Реформы Петра I придали ему ускоренный характер. Однако в языке русской литературы XVIII века ещё царила хаотическая пестрота, преодолеть которую пытался Ломоносов своей языковой реформой, разделяющей слова на «три штиля» и закрепляющей высокий, средний и низкий стили за разными жанрами литературы.

Реформа Ломоносова сыграла положительную роль в обуздании речевого хаоса. Однако упорядоченность достигалась здесь путём жёсткой рациональной регламентации, навязанной литературному языку сверху. А ведь язык – явление живое и тонкое: он не конструируется, не изобретается, он органически рождается и вызывает в естественном процессе художественного творчества.

В 1814 году П. А. Вяземский посетует: «Мы не знаем своего языка, пишем наобум и не можем опереться ни на какие столбы. Наш язык не приведён в систему, руды его не открыты, дорога к ним не прочищена». А друг В. А. Жуковского Андрей Тургенев так выразит свою мечту о необходимости гениального писателя-реформатора: «Напитанный русской оригинальностью, одаренный творческим даром, должен он дать другой оборот нашей литературе».

Решение творческой задачи такого масштаба стало возможным лишь в атмосфере высокого общественного подъёма, обнаружившего зрелость национального самосознания. Эту зрелость дал России 1812 год. «Потрясаши всю Россию из конца в конец, он, – по словам Белинского, –

пробудил её спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил, чувством общей опасности сплотил в одну огромную массу косневшие в разъединённых интересах частные воли, возбудил народное сознание и народную гордость. Вся Россия тогда, в лице своего победоносного войска, лицом к лицу увиделась с Европою, пройдя по ней путём побед и торжеств. Всё это сильно способствовало возрастанию и укреплению возникшего общества. В двадцатых годах XIX столетия русская литература от подражательности устремилась к самобытности: явился Пушкин».

«В поэтическом слове Пушкина, – писал М. Н. Катков, – пришли к окончательному равновесию все стихии русской речи, успокоился внутренний труд образования языка. У Пушкина впервые легко и непринуждённо слились в одну речь и церковно-славянская форма, и народное речение, речение этимологически чуждое, но усвоенное мыслью как её собственное. Ничем так не скрепляется народное единство, как образованием литературного языка. Пока ещё шло это дело образования, мы в семье исторических народов казались отсталыми, были робкими учениками и подражателями. Когда дело это совершилось, русская мысль находит в себе внутреннюю силу для оригинального живого движения, и народная физиономия выясняется из тумана». П. А. Плетнёв писал о Пушкине: «Он постигнул, что *язык не есть произвол, не есть собственность автора*, а род сущности, влитой природою вещей в их бытие и формы проявления» (*курсив мой.* – Ю. Л.)

Писатели-костромичи, как и все предшественники, готовят появление Пушкина, играют существенную роль в рождении нашего национального гения. И это неслучайно. Ведь, в отличие от Карамзина и его последователей, Пушкин не будет вводить в литературный язык никаких новых слов, но зато очень широко воспользуется стилистическими находками своих предшественников и современников. Знатоки творчества Пушкина давно заметили, что в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

ощутимы заимствования из поэтической лексики Державина; в стихах «Я помню чудное мгновенье» ключевой образ «гений чистой красоты» взят у Жуковского; поэтический вопрос-формула, открывающий стихотворение «Что в имени тебе моём?», подхвачен Пушкиным у второстепенного и ныне забытого поэта С. Г. Саларёва; поэтический образ «Дробясь о мрачные скалы, шумят и пенятся валы» – вариация находки второстепенного поэта В. С. Филимонова: «И разъярённые валы... дробят о грозные скалы» и т. п. Масштабы таких заимствований в поэтическом словаре Пушкина огромны: здесь Ломоносов и Державин, Радищев и Княжнин, Жуковский и Батюшков... Здесь и те поэты, которые были биографически и творчески связаны с костромским краем: Аблесимов и Грамматин, Катенин и Вяземский.

Родоначальник новой русской литературы ко всему поэтическому наследию относился как к общенациональному достоянию. Подобно народному сказителю, творящему по законам коллективного искусства, он не стыдился присваивать себе близкое его душевному настрою «чужое». Менее всего он стремился измышлять что-то от своего лица и вовсе не был озабочен противопоставлением своего «я» предшественникам и современникам. Напряжённым творческим усилием он осуществил в русской литературе синтез всего, что было создано в ней трудами бывших до него и живущих с ним писателей. А для того чтобы этот синтез осуществить, нужно было дать своему опыту новую художественную меру. Своеобразие Пушкина заключается не столько в открытии нового, сколько в упорядочивании старого – в иерархической его организации на зрелой и органической национальной основе.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», – сказано в Евангелии от Иоанна. Пушкин дал нашей литературе оформленный и зрелый язык художественных *Слов-Образов*. В Пушкине заключен высокий дух нашей классической литературы, зрелый национальный стиль языка, ибо Некрасов и Тургенев, Гончаров

и Островский, Толстой и Достоевский писали свои произведения на языке Пушкина, в созданной этим языком системе национальных ценностей. В Пушкине, как в зерне, содержится будущее русской литературы. Гений Пушкина, как незримый дух, обнимает собой и осеняет нашу классику не только XIX, но и XX века. «Пушкин – наше всё, – сказал Аполлон Григорьев. – В Пушкине надолго, если не навсегда, завершился, обрисовавшись широким очерком, весь наш душевный процесс... Пушкин, везде соблюдавший меру, сам – живая мера и гармония».

В каждой национальной литературе есть имена, являющиеся свидетельством её вершины, дающие на века этой литературе духовно-эстетический идеал. В Италии это Петрарка, во Франции – Расин, в Германии – Гёте, в Англии – Шекспир, а у нас в России – Пушкин. Особенностью таких писателей является их вечная современность. Они воспринимаются как «начало всех начал». В их творчестве видится воплощённым национальный идеал писателя и человека со свойственным ему чувством меры, с безупречным ощущением границ дозволенного и недозволенного в жизни и в искусстве. Поэтому всеми они воспринимаются как образец, но образец запредельно высокий и недостижимый.

«Невозможно повторить Пушкина», – утверждал Гоголь. И в то же время русский критик Аполлон Григорьев с удивлением подмечал, что «во всей современной литературе нет ничего истинно замечательного и правильного, что бы в зародыше своём не находилось у Пушкина». Послепушкинская литература безотчётно и неосознанно, вне прямого стремления к подражанию, остаётся в границах того магического круга художественных тем, идей и образов, который очерчен её гением, высвечен её немеркнущим солнцем. «Мы находим теперь, – писал вслед за А. А. Григорьевым Н. Н. Страхов, – что, несмотря на множество, по-видимому, новых путей, которыми шла с тех пор русская литература, эти пути были только продолжением дорог, уже начатых или совершенно пробитых Пушкиным».

И в самом деле, зерно романа-эпопеи «Война и мир» Л. Н. Толстого содержится в «Капитанской дочке», равно как зерно «Преступления и наказания» Достоевского заключается в «Пиковой даме». Вся галерея «лишних людей»: от Печорина Лермонтова, Бельтова Герцена, Рудина и Лаврецкого Тургенева, Обломова и Райского Гончарова – восходит к пушкинскому Евгению Онегину. Татьяна и Ольга в этом романе – прообразы Веры и Марфеньки в «Обрыве» Гончарова. К русской душою Татьяне тяготеют лучшие женские образы в романах Тургенева – Наталья Ласунская, Лиза Калитина, Елена Стахова. Русские писатели-классики, явившиеся после Пушкина, раскрывают и разворачивают те ёмкие художественные формулы, которые содержит в себе образный мир Пушкина.

В чём же секрет этой странной на первый взгляд очарованности русской литературы Пушкиным, что удерживает наших писателей в границах и пределах созданного им художественного мира?

В творчестве Пушкина впервые осуществился органический синтез освоенного русской литературой XVIII века культурного опыта Западной Европы с многовековой национальной традицией. Богатырским усилием был преодолен порождённый Петровскими реформами разрыв между тонкой прослойкой европеизированного дворянского общества и народом с его тысячелетней православно-христианской духовностью. Пушкин восстановил прерванную реформами Петра связь времён древней и новой России, осуществив творческую работу глубокой общенациональной значимости. По словам Герцена, русский народ на приказ Петра образоваться «ответил через сто лет громадным явлением Пушкина».

Писатели и поэты, тесно связанные с Костромским краем, готовили появление Пушкина, творили свои произведения как бы в предчувствии его. И в их творчестве, пусть порой несовершенном, уже созрели те художественные открытия, которые предвосхищали появление Пушкина. Поэтому в статьях пособия и в практических заданиях

к каждому разделу обязательно будет звучать так или иначе пушкинская тема.

Русские писатели первой половины XIX века ещё лишены в своём творчестве той специализации, которая произойдёт позднее и которая заставит Островского отдаться целиком национальной драме, а сатирика Салтыкова-Щедрина – чураться «лепетания в стихах». Писатели первой половины XIX века пробуют свои силы буквально во всех жанрах литературы: очень часто они поэты и прозаики, лирики, эпики и драматурги в одном лице. В художественном отношении их произведения подчас ещё очень несовершенны: чувствуется стилистическая усложнённость и пестрота, противоестественная смесь просторечия со словами высокого стиля. В лирической комедии Аблесимова, например, проявляется откровенная грубоватость в употреблении диалектизмов. Но это несовершенство наглядно отражает плодотворный процесс поиска художественной гармонии. Именно таким поиском и отмечены произведения писателей, включённых в эту учебную книгу.

Фёдор Григорьевич В О Л К О В (1729–1763)

Волков, родившийся в Костроме, прожил здесь только первые семь лет. Но связь его личности с Костромским краем ощущается до нынешних времён. Есть своеобразная закономерность в том, что первый великий русский актер, создатель общедоступного национального театра, родился в городе, само имя которого – Кострома – связано с народным театрализованным действием. Биографы и исследователи творчества Фёдора Волкова обязательно указывают на важный факт его детства: впечатления от народных игрищ, забав, полученные в самом раннем возрасте. Они повлияли на зарождение той громадной любви к театру, той благородной и самоотверженной тяги к искусству, которая позволила купеческому сыну стать организатором театрального дела сначала в Ярославле, а затем и в российской столице. Словно бы под действием особого праздничного и игрового духа Костромы, под покровительством присущего этому городу театрального духа, здесь особенно ярко расцветали такие таланты, которым была близка театральная стихия. Многие писатели костромской земли в драматическом творчестве проявляли себя исключительно успешно, обладая при этом и лирическим и эпическим дарованием.

Фёдор Григорьевич Волков остался в истории русской культуры прежде всего как видный театральный деятель. Его биография – яркое свидетельство той эпохи, когда талант и случай стали играть в судьбах людей не меньшую роль, чем происхождение и сословная принадлежность.

Ф. Г. Волков родился в Костроме в купеческой семье 9 февраля 1729 года. Его мать после смерти первого мужа вышла замуж за ярославского купца Фёдора Полушкина. В 1735 году семья переселилась в Ярославль. Отчим позаботился о том, чтобы дать приёмным сыновьям хорошее образование. Уже в детстве

Фёдор Волков обучался грамоте и основам наук у домашних учителей, а затем был отправлен в Москву, в знаменитую Славяно-греко-латинскую академию. Талант и прилежание юноши были отмечены современниками. Здесь же Волков получил и новые театральные впечатления: студенты академии нередко разыгрывали школьные драмы – театрализованные постановки на религиозные сюжеты. В репертуаре артистов Заиконоспаской школы были «Комедия притчи о Блудном сыне» Симеона Полоцкого; «Рождественская драма», «Успенская драма» и пьеса «Грешник кающийся», сочиненные для учащихся духовных школ святителем Димитрием Ростовским; пьесы Феофана Прокоповича и другие сочинения – оригинальные и переводные. Участие в постановках школьных драм позволило Фёдору Волкову упражняться в декламации и актерском искусстве.

Зарождавшаяся любовь к театру впоследствии укрепилась благодаря поездкам юноши в Петербург. Бывая здесь по торговым делам отчима, Фёдор Волков посещал представления итальянской оперы, немецкие спектакли труппы Аккермана и русские любительские спектакли.

«Познакомясь с живописцами, музыкантами и другими художниками, бывшими тогда при императорском Итальянском театре, не упустил ни одной редкости, которую бы не осмотрел и не постарался узнать обстоятельно. Более всего прилепился он к театру и, по случаю знакомства несколько раз видя представление итальянской оперы, почувствовал желание сделать и у себя в Ярославле театр, дабы представлять на нём самому русские театральные сочинения. Сего ради ходил он несколько раз на театр, чтобы обстоятельнее рассмотреть оною архитектуру, махины и прочие украшения; и как острый его разум всё понимать был способен, то сделал он всему чертежи, рисунки и модели. Оставалось только получить ему понятие о театральной игре. В сём случае имел он прибежище к итальянским актёрам, которые хотя и сами не весьма были далеки в актёрской должности, но г. Волков дошёл наконец до познания её красот и тонкостей остроюю своего разума и врождённой к театру способности»¹.

---

¹ Опыт исторического словаря о российских писателях / сост. Н. Новиков. СПб., 1772. С. 33–34.

С 1743 года Фёдор Волков живет в Ярославле, служит при заводах Полушкина, а в свободное время вместе с друзьями-энтузиастами ставит спектакли. В кожевенном амбаре с разрешения отчима он устраивает настоящую сцену с кулисами и декорациями. И в это время, и впоследствии Волков при постановке пьес был не только актёром и режиссером, но и художником, композитором, машинистом.

Представления самодеятельной труппы пришлись по вкусу ярославским именитым людям. По замечанию современного исследователя, «купечество в лице Фёдора Волкова стояло у истоков русского театра»¹.

После смерти отчима Федор Волков всё больше сил вкладывает в любимое дело. Театр перемещается в более просторное помещение, труппа становится стабильной и набирается опыта. При поддержке ярославского воеводы Мусина-Пушкина Волков привлекает к участию в спектаклях певчих архиерейского хора и крепостных музыкантов местных помещиков. Круг зрителей расширяется. Из семейного, любительского театра фактически становится публичным, профессиональным. В исполнении молодых артистов идут духовные пьесы, трагедии и комедии, оперы и пасторали. О популярности театра у ярославских жителей свидетельствует посетивший город столичный чиновник: «Народ столь великую жадность к театру показал, что, оставляя другие свои заботы, ежедневно на оное зрелище собирается». Слава ярославских комедиантов наконец достигла Санкт-Петербурга. В январе 1752 года по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны артистов доставили в Царское Село, где они показали трагедии А. П. Сумарокова «Хорев», «Гамлет», «Синав и Трувор» и мистерию «О покаянии грешного человека».

30 августа 1756 года императрицей был дан указ Правительствующему сенату об учреждении Русского театра для представления трагедий и комедий. Основу труппы должны были составить ярославские артисты-любители, проходившие для этого дополнительное обучение в Кадетском корпусе.

---

¹ *Едошина И. А.* Сквозь плен времён... Из истории театральной жизни в Костроме. Кострома, 2009. С. 12.

Директором назначался Александр Петрович Сумароков, а Фёдор Волков получал звание первого актёра.

Здесь, на подмостках общедоступного театра, расцвел в полной мере артистический талант Фёдора Григорьевича Волкова. «Тогда г. Волков показал свои дарования в полном уже сиянии, и тогда-то увидели в нем великого актёра; и слава его подтверждена была и иностранцами: словом, он упражнялся в сей должности до конца своей жизни с превеликою о себе похвалою», – писал Н. И. Новиков¹.

По свидетельству современников, актер принимал активное участие и в политической жизни. До сих пор не до конца известна роль Волкова в дворцовом перевороте 1762 года, в результате которого на престол взошла Екатерина II. Коротко и сдержанно упоминает об этом первый биограф артиста: «...пожалован он был за оказанные им отличные услуги российским дворянином и деревнями. Сие новое достоинство нимало не уменьшило склонность его к театру»². Известно, что и ранняя смерть Ф. Г. Волкова была связана с торжествами по поводу коронации новой монархини. При организации в Москве уличного маскарада «Торжествующая Минерва» он простудился и уже не смог одолеть болезнь.

Внезапный уход Волкова был огромной утратой для друзей и для русского театра. Не только об актёре, находившемся в самом расцвете славы, но и человеку разнообразных талантов и высоких нравственных качеств говорят строчки, созданные современниками артиста: «Сей муж был великого, обильного и пронизательного разума, основательного и здравого рассуждения и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг. Театральное искусство знал он в высшем степене; при сем был изрядный стихотворец, хороший живописец, довольно искусный музыкант на многих инструментах, посредственный скульптор и, одним словом, человек многих знаний в довольно степене. С первого взгляда казался он несколько суров и угрюм; но сие исчезало, когда находился он с хорошими своими приятелями,

---

¹ Опыт исторического словаря о российских писателях. С. 38.

² Там же. С. 38.

с которыми умел он обходиться и услаждать беседу разумными и острыми шутками. Жития был трезвого и строгой добродетели; друзей имел немногих, но наилучших, и сам был друг совершенный, великодушный, бескорыстный и любящий вспомоществовать»¹.

Литературный талант первого русского актёра был несомненным для его современников. Новиков упоминает о множестве мелких стихотворений и фрагментах оды в честь Петра Великого, созданных Волковым. Но тут же с грустью отмечает, что «достать» этих произведений ни у кого не смог. Между тем со дня смерти артиста не прошло тогда и десяти лет. Есть описание грандиозного театрального действия «Торжествующая Минерва», поставленного Фёдором Волковым. Но, к сожалению, большая часть его литературного наследия не сохранилась. И сегодня приходится судить о даровании костромского уроженца по немногим стихотворным строчкам, с большей или меньшей степенью достоверности ему приписываемым.

Вот одно из стихотворений, ставшее в конце XVIII века популярной народной песней. Текст был включён в сборник «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова, изданный в 1770 году, а также во многие безымянные русские песенники конца XVIII – начала XIX века:

Ты проходишь мимо кельи, дорогая,
Мимо кельи, где бедняк-чернец горюет,
Где пострижен добрый молодец насильно,
Ты скажи мне, красна девица, всю правду:
Или люди-то совсем уже ослепли,
Для чего меня все старцем называют?
Ты сними с меня, драгая, камилавку,
Ты сними с меня, мой свет, и чёрну рясу,
Положи ко мне на груди белу руку
И пощупай, как трепещет моё сердце,
Обливаясь всё кровью с тяжким вздохом;
Ты отри с лица румяна горьки слёзы,
Разгляди ж теперь ты ясными очами,
Разглядев, скажи, похож ли я на старца?

---

¹ Опыт исторического словаря о российских писателях. С. 40–41.

Как чернец, перед тобой я воздыхаю,
Обливаясь весь горькими слезами,
Не грехам моим прощенья умоляю,
Да чтоб ты меня любила, моё сердце!

Составитель песенника Михаил Дмитриевич Чулков (1734–1792) был актёром театра, во главе которого стояли А. П. Сумароков и Ф. Г. Волков, поэтому автора песни он мог знать. Но и сама песня кажется яркой характеристикой Фёдора Волкова – замечательного представителя эпохи русского Просвещения. Человек незнатный, провинциал, получивший благодаря своему редкостному таланту и энергии доступ к знаниям и большие возможности, он сохраняет связь с народной культурой и в то же время пропитывается современными ему просветительскими идеями. Вот и в песне, им сочинённой, традиционный для фольклора сюжет: жалобы молодца, разлучённого с возлюбленной, раскрываются с помощью традиционных же словесных оборотов: красна девица, добрый молодец, горькие слёзы, ясные очи... Но по сути сюжет очень далёк от народного мироощущения. Здесь лирический герой не просто жалуется на пострижение (такие мотивы встречаются и в народных песнях), но говорит о нём как о нелепости: «Или люди-то совсем уже ослепли, / Для чего меня все старцем называют?» Юноша, постриженный насильно, отказывается признать силу совершенного над ним таинства, не хочет отказаться от своей любви. Он дерзко, едва ли не кощунственно сравнивает свои любовные вздохи с покаянными воздыханиями чернецов-монахов и отказывается от прощения грехов ради земной любви. Автор песни при этом явно на стороне героя: он отстаивает «законное» требование молодой души, вызывает в читателе сочувствие к героям, насильственно лишённым естественных радостей, самой природой («натурой», как говорили в XVIII веке), назначенных румяным, красивым и молодым. Подобное активное утверждение «естественных прав» человека характерно для просветительской культуры. Но оно вступает в сложное взаимодействие с основами народного религиозного мирозерцания. Неслучайно в одном из вариантов

этой песни (возможно, добавленном позднее, а может быть, отброшенном Чулковым) есть и такие слова:

Умилялась красна девица над старцем,
Утирала горячие его слёзы.
Унимала старца в келейке спастись...
Ты спасайся, добрый молодец, во келье,
Позабудь о нашей суетной о жизни!

Не правда ли, такое завершение песни делает её ещё более глубокой? К любовной теме присоединяется проблема нравственного выбора, мотив истинного и ложного жизненного пути. Драматизм судеб лирических героев не исчезает, но он перекрывается возвышенным чувством: не торжеством чувственной любви, а сестринским состраданием звучат слова красной девицы, высоким пониманием святости церковного обета, стремлением к душевному спасению дорогого человека. Так святая Феврония с жалостью и мудростью вразумляла молодого корабельщика, взглянувшего на неё с нечистым помыслом, так пушкинские героини остаются верны нравственному долгу, отвергая «лёгкие», греховные пути к житейским суетным радостям и наставляя своим словом и примером своих любимых: Дубровского, Онегина, Гринева.

Как видим, в единственной известной нам лирической песне Фёдора Волкова звучат темы, которые приобретут огромное значение в русской литературной классике: нравственный выбор, противостояние страстям, испытание любовью.

Другое дошедшее до нас стихотворение Фёдора Волкова свидетельствует об остроумии, смелости и превосходном чувстве языка. Считается, что адресат этой поэтической насмешки – Алексей Орлов, один из фаворитов Екатерины Второй.

Всадника хвалят: хорош молодец,
Хвалят иные: хорош жеребец!
Полно, не спорьте: и конь и детина
Оба красивы, да оба скотина.

Эпиграмма часто устаревает в самый момент рождения, ведь это произведение обычно накрепко привязано к конкретному лицу, исторической ситуации, «злобе дня». А эпиграмма

Волкова способна насмешить нас и сегодня. Она не устарела, поскольку в ней, как в лучших образцах этого жанра у Пушкина, Вяземского, Тютчева, блещет лукавый и бойкий русский ум, способный к неожиданным сопоставлениям, точным, образным выражениям. А кроме того, меткое слово, задевая конкретного человека, здесь касается и чего-то большего, выявляет нелепость, глупость, свойственную всем временам, – например, обычное для людей увлечение красотой, физической силой, «породистой» внешностью. Мгновенная насмешка благодаря этому приобретает глубину, а нравственный урок, соединённый с образом конкретного исторического лица, избавляется от скучной банальности.

Судьба и личность первого русского актёра настолько незаурядны, что привлекают внимание не только историков и театроведов. О Фёдоре Волкове написаны художественные произведения. Ярославский писатель Н. М. Север создал сначала пьесу, а затем повесть о своём знаменитом земляке. Его книга «Фёдор Волков. Сказ о первом российского театра актёре» вышла в Ярославле в 1961 году. Это яркая художественная биография, основанная на документальном материале.

Тесно связана с именем Волкова и судьба Костромского драматического театра. По выражению писателя и театроведа Е. Т. Степаненко, с первых лет основания Костромского драматического театра «дух Волкова» витал над ним.

В Костроме память о Фёдоре Григорьевиче Волкове берегут и сегодня. В начале улицы Симановского располагается Музей театрального костюма, созданный при Костромском драматическом театре. Место выбрано неслучайно. Дом, в котором находится музей, связан с жизнью великого костромича самым непосредственным образом. Это и есть бывший дом купца Волкова, где родился и провёл детские годы будущий знаменитый артист. Большая часть дома, конечно, была перестроена, но исследователи считают, что хозяйственная часть и полуподвалы дома, построенного в середине XVIII века, сохранились с тех времён. Часть музейной экспозиции посвящена Фёдору Волкову и театру его времени.

Литература о Ф. Г. Волкове

Новиков Н. И. Избранные произведения / Н. И. Новиков. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. – С. 289–293.

Ярцев А. А. Ф. Г. Волков (основатель русского театра). Его жизнь в связи с историей русской театральной старины: биограф. очерки: с портретами Волкова, Дмитриевского, Плавильщикова, Яковлева и Семёновой / А. А. Ярцев. – СПб., 1892.

Север Н. М. Фёдор Волков: Сказ о первом российского театра актёре / Н. М. Север. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1961.

Астафьев А. В. Ф. Г. Волков / А. В. Астафьев, Н. А. Астафьева // Писатели Ярославского края. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1974.

Любомудров М. Н. Фёдор Волков и русский театр / М. Н. Любомудров. – Л., 1971.

Любомудров М. Н. У истоков русской сцены. Фёдор Волков и его эпоха: документ.-биограф. повесть / М. Н. Любомудров. – СПб., 2010.

Куликова К. Ф. Кинжал Мельпомены: рассказ о жизни Фёдора Волкова [1729–1763] / К. Ф. Куликова. – М.; Л.: Искусство, 1963. – (Корифеи русской сцены).

Куликова К. Ф. Российского театра Первый комедиант / К. Ф. Куликова // Куликова К. Ф. Российского театра Первые актёры / К. Ф. Куликова. – Л.: Лениздат, 1991.

Степаненко Е. Т. «Волкову мы все обязаны» / Е. Т. Степаненко // Степаненко Е. Т. Наш театр провинциальный: очерки и воспоминания / Е. Т. Степаненко. – Кострома: Костромаиздат, 2008.

Едошина И. А. Сквозь плен времён... Из истории театральной жизни в Костроме / И. А. Едошина. – Кострома, 2009.

Старикова Л. М. О Фёдоре Волкове / Л. М. Старикова. – М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2013.

Рекомендации по работе с материалом учебного пособия

1. Подготовьте подробное сообщение о жизни Ф. Г. Волкова на основе биографической статьи Н. И. Новикова. Какие этапы можно выделить в биографии артиста?

2. Познакомьтесь с другими источниками, рассказывающими о судьбе и творчестве Ф. Г. Волкова. Сформулируйте вопросы, которые у вас возникли. Определите, какие стороны деятельности Ф. Г. Волкова являются недостаточно изученными, нуждаются в дальнейшем исследовании.

Задания для самостоятельной работы

1. Подготовьте сообщения о деятелях русской литературы и театра, тесно связанных с Ф. Г. Волковым (А. П. Сумарокове, М. Д. Чулкове, М. И. Попове, И. А. Дмитриевском).

2. Создайте презентацию на тему: «Фёдор Волков и русский театр XVIII века», используя указанную литературу и иные источники.

3. Прочитайте и проанализируйте стихотворение А. П. Сумарокова, посвящённое смерти Ф. Г. Волкова. Составьте к нему историко-культурный комментарий.

К Г. ДМИТРЕВСКОМУ НА СМЕРТЬ Ф. Г. ВОЛКОВА

Котурна Волкова пресекался часы.
Прости, мой друг, навек, прости, мой друг любезный!
Пролей со мной поток, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли волосы!
Мой весь мятется дух, тоска меня терзает,
Пегасов предо мной источник замерзает.
Расинов я театр явил, о россы, вам;
Богиня, а тебе поставил пышный храм;
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется.
Се смысла моего и тщания плоды,
Се века целого прилежность и труды!
Что, Дмитриевский, зачем мы с сей теперь судьбою?!
Расстался Волков наш со мною и с тобою,
И с музами навек. Воззри на гроб его,
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Которого, как нас, потомство не забудет!
Переломи кинжал; театра уж не будет.

Простись с отторженным от драмы и от нас,
Простися с Волковым уже в последний раз,
В последнем как ты с ним игрании прощался,
И молви, как тогда Оскольду извещался,
Пусть днесь горькие струи из смутных глаз:
«Коликим горестям подвластны человеки!
Прости, любезный друг, прости, мой друг, навеки!»

1763

4. Разработайте конспект внеклассного мероприятия – экскурсии в Музей театрального костюма для учеников 8–9-х классов.

5. Прочитайте документально-биографическую повесть М. Н. Любомудрова «У истоков русской сцены. Фёдор Волков и его эпоха» и повесть Н. М. Севера «Фёдор Волков. Сказ о первом российского театра актёре». Подготовьте отзывы о них.

6. Сравните, как рассказано об отношениях Ф. Г. Волкова с Екатериной II и его участии в политических событиях начала 1760-х годов в книге М. Н. Любомудрова и в повести Н. М. Севера. Как вы думаете, чем объясняется различная трактовка событий авторами этих произведений? Чья точка зрения кажется вам более убедительной?

Темы докладов, рефератов, исследовательских работ

1. Личность Фёдора Волкова в воспоминаниях и оценках его современников.

2. Художественная биография как литературный жанр (на примере произведений о судьбе Ф. Г. Волкова).

Задание для организации проектной деятельности

Подготовьте в творческой группе сценарий литературно-театрального вечера, посвящённого Ф. Г. Волкову. В него можно включить не только фрагменты произведений, посвящённых артисту, но и инсценированные фрагменты пьес, исполнявшихся труппой первого русского общедоступного театра.

Александр Онисимович АБЛЕСИМОВ (1742–1783)

Александр Онисимович Аблесимов родился 27 августа (7 сентября) 1742 года в Галичском уезде Костромской губернии в бедной дворянской семье. Даже точных данных о месте его рождения не сохранилось. Галичский краевед В. В. Касторский предполагал, что усадьба его отца находилась на территории нынешнего Сусанинского района. По некоторым источникам, Аблесимовы были в родстве с известным русским поэтом и драматургом А. П. Сумароковым. Но точных сведений по этому поводу не имеется. Детство и юность будущего писателя прошли в деревне. По материальному и образовательному уровню русское дворянство было крайне неоднородным. «Говорят, – вспоминала костромичка Ю. В. Жадовская, – что бедных дворян чёрт в корзине нёс, да, проходя по нашей стороне, запнулся за кочку и рассыпал». Семья Аблесимовых, вероятно, принадлежала к их числу. Жили такие «дворяне» целыми деревнями в простых крестьянских избах. Каждая изба разделялась на две половины: на «чёрную» и на «белую». В «чёрной» обитала подвластная хозяевам крепостная семья. Впрочем, и сами хозяева, если крепостных душ у них не было, проводили в чёрной половине большую часть своей жизни. Белая держалась в чистоте и служила лишь для приёма гостей в воскресные и праздничные дни.

Собирались такие дворяне «по чередам» на вечерние чаепития, судили-рядили деревенские новости, перемывали друг другу косточки. А расставаясь, заводили разговор о колдунах и порчах. Обычай и обряды деревенской старины были им столь же близки, как и простым крестьянам. Именно поэтому юношеские впечатления стали колыбелью

таланта Аблесимова. Леса, речки и деревеньки, песни, плачи и причитания, скромные красоты северной природы – всё запомнилось и всё вошло в мир его благодарной памяти. Здесь он приобщился к народной жизни, почувствовал своё кровное родство с нею.

М. И. Готовцева в своей повести 1857 года «Житьё-бытьё на Корёге» писала, что костромские дворяне в большинстве своём имели мало земли, и часто их семейства терпели недостаток. Детей своих содержать в уездном училище на свои скудные средства они не могли. В учебные заведения на казённый счёт попадали немногие, поскольку дворянских детей было так много, что для всех не хватало вакансий. Оставаясь дома и обучаясь кое-как грамоте, молодые дворяне росли в кругу своих сверстников – простых крестьянских детей.

Аблесимов получил самое элементарное образование, не выучившись ни одному иностранному языку. С 16 лет его отправили в Петербург на военную службу. Служил он в лейб-кампанской канцелярии копиистом. Здесь на него обратил внимание А. П. Сумароков, и одно время Аблесимов выполнял обязанности его секретаря, переписывая набело произведения признанного в те годы поэта. Это занятие содействовало пробуждению у юноши интереса к литературному творчеству, и он стал сочинять сам. В 1759 году в журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела» Аблесимов напечатал первые свои произведения: элегию «Сокрылись мои дражайшие утехи...» и шуточное стихотворение «Подьячий здесь зарыт...».

Подьячий здесь зарыт, нашёл который клад,
У бедных он людей пожитков поубавил,
Однако ничего не снёс с собой во ад,
Но всё имение на кабаке оставил.

В 1760–1762 годах, во время Семилетней войны, Аблесимов дошёл с боями до Франкфурта-на-Одере и хорошо познакомился с условиями военной службы, с бытом русского солдата. В 1766 году он вышел в отставку в чине прапорщика, а в 1767-м поступил на службу в качестве

секретаря и протоколиста в созданную Екатериной II комиссию по составлению проекта «Нового уложения». Здесь Аблесимов познакомился с литераторами М. И. Поповым, В. И. Майковым, Н. И. Новиковым, общение с которыми во многом определило его литературный путь.

В 1769–1770 годах Аблесимов поместил ряд сатирических стихотворений и статей в журнале Н. И. Новикова «Трутень» частью без подписи, частью под псевдонимом «Азазез Азазезов». Язык в его «баснях» был выразительным, но повествование страдало растянутостью и многословием. В 1769 году поэт издал сборник своих произведений под названием «Сказки Александра Аблесимова». Вот одна из его стихотворных сказок. Несмотря на характерные длинноты, в ней нельзя не оценить яркую картинку, списанную с реальной жизни. Пёстрое праздничное гулянье, где смешались лица и сословия, изображено выразительно и правдиво. Образы «учтливового мошенника» и боярина-весельчака, щёголя с пустыми карманами, можно назвать оригинальными. А тема разорения и морального оскудения дворянства связывает эту сатирическую зарисовку с пьесами Фонвизина и «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева.

ОШИБКА, ИЛИ ОСТРЫЙ ОТВЕТ МОШЕННИКОВ ГОСПОДИНУ

Поехать на гулянье
Имеют многие желанье;
По склонности своей себя всяк веселит:
Иной всё ходит там, иной сидит;
Иной, напившись пьян, бурлит;
Иные взад-вперёд на иноходцах рыщут;
Другие надобных узреть случаи ищут;
Посадку тот вдову в любовну ловит сеть
И думает от ней он руки понагреть;
Иной, пригожую узря, за ней гуляет,
Узнать о ней желает,
С лакеем он её вступает в разговор
И спрашивает: чьих она, и где их двор;

Другой, в знакомую влюбясь, пред ней вздыхает,
Его пылает кровь;
Нашедши случай тут, он больше не скрывает
К ней жаркую любовь;
Тот, ставши поражён красавицыным взором,
Стремится о любви дать знать ей разговором;
А щёголь жалку речь в отчаянье творит,
Что долго он своей красавицы не зрит;
Ужамшись, петиметр¹ к кокетке подступает,
На коем в платье нежный вкус блистает:
Красавица, в убор прелестной в этот раз
Нарочно нарядаясь,
И тем свет знающих людей прельщает;
Иному девушка приятно отвечает,
А инде за женой ревнивый примечает,
Как щёголь ей при нём цветочек подаёт
И ручку у неё пристойно жмёт:
Соперники, сойдясь, друг друга бесят;
Посадски мужики² с женами пьют,
А мелки торгоши овощ всяк продают,
Под пьяну руку всем за фунт полфунта весят,
За стойкой в кабаке подъячим сбор
Солдат над мужиком трусливым харабрится,
А с целовальником³ всяк за обмер бранится;
У пьяных меж собой бывает спор,
И вздор,
И шум, и враки,
И брань, и драки;
Десятские⁴ глядят, получше кто одет,
К тому поприцепясь, потащат под бекет⁵;
Гусары там бои кулачны разгоняют,
Бойцов под караул берут.

---

¹ Петиметр – молодой светский щёголь, франт, рабски подражающий французским модам и манерам поведения.

² Посадские мужики – торгово-промышленное городское население.

³ Целовальник – продавец вина в питейных заведениях.

⁴ Десятские – нижние чины полиции.

⁵ Бекет – караульный или сторожевой пост.

Бойцы орут,
Разгонщикам пеняют,
В них кольями швыряют;
Тут чья взяла,
Да только выторжка¹ бойцам всегда мала;
Фабричны песнями народ там утешают,
Которы их творцы нередко вымышляют;
Плутушки ж по чужим карманам промышляют.
Читатель! Я тебя рассказом утрудил,
А на гульбище вот какое было дело:
Мошенник смело
По всем местам ходил
И вокруг людей толкался,
Где плохо что лежит, к тому и прибирался.
Проворная рука в карман готова лезть,
Где деньги есть.
К боярину тогда мошенник тот подкрался
И, безо всех чинов,
В карман рукою сов,
Искал часов,
А у боярина их нету.
Вор тотчас и в другой, в тот, где кладут монету,
И шарить стал,
Да только ничего и тамо не застал.
По платью завсегда нетрудно обмануться:
Деньжонки где?.. У сермяков²,
Посадских мужиков
Ведутся;
А кто красно одет,
На верную тут денег нет.
Боярин слышал всё, да знал не ложно,
Что было у него в карманах тех порожно,
И для ради того
Мошенника сего
Боярин не страшает
И шарить допускает.

---

¹ Выторжка – получение прибыли в торговле.

² Сермяк – человек бедный, носящий кафтан из грубого некрашеного сукна.

Боярин весельчак,
А вор смельчак.
Сказал боярин вору так,
Чем дело обличилось:
«Не осуди, что тут покражи не случилось?»
Вор этот светский был, и все ухватки знал,
Тотчас он, поклонясь, боярину сказал:
«Нет, ничего, сударь, у нас и зачастую
Живёт, что и к купцам в мошну лазим пустую».

Начав творческий путь как поэт-сатирик, Аблесимов обратился к драматургии в конце 1760-х годов. Однако его первые драматургические опыты не сохранились. В 1769 году он написал комедию в пяти действиях «Подьяческая пирушка», но поставить на сцене её не удалось, а рукопись затерялась. Тексты ещё двух небольших его комедий также не уцелели.

В начале 1770-х годов Аблесимов из-за материальных трудностей вновь поступает на военную службу. В качестве адъютанта генерал-майора А. Н. Сухотина он идёт в поход, участвует в блокаде турецкой крепости Потю, но в 1772 году в чине капитана выходит в отставку, поселяется в Москве и служит экзекутором (мелким чиновником) в Московской управе благочиния, продолжая заниматься литературой.

В этой должности Аблесимов прослужил до смерти. Он умер в начале 1783 года в крайней бедности, так как скудное жалованье и небольшие по тем временам гонорары за свои пьесы он тратил исключительно на воспитание единственной дочери.

Славу выдающегося писателя Аблесимову доставила музыкальная комедия «Мельник – колдун, обманщик и сват», которая была впервые поставлена в Москве 20 января 1779 года. С тех пор она не сходила со сцены более 50 лет. Только в Москве с 1782 по 1805 годы было дано 52 её представления. На сцене петербургских театров она шла более полувека, до 1834 года, и выдержала 200 представлений. В 1792 году композитор Е. И. Фомин написал к «Мельнику...»

несколько новых вокальных номеров и увертюру на русские темы. После этого музыкальная комедия Аблесимова приобрела облик оперы.

Ни одна из пьес, созданных русскими писателями XVIII века, кроме комедий Фонвизина, не пользовалась таким успехом, как эта. Известный поэт начала XIX века А. Ф. Мерзляков писал о «Мельнике...» как о пьесе, «которая представляется везде: в Эрмитаже, в публичных и частных театрах, которую все почти знают наизусть».

Этот заслуженный успех подтверждается отзывом В. Г. Белинского: «Аблесимов написал прекрасный народный водевиль „Мельник“, произведение, столь любимое нашими дедами и ещё и теперь не потерявшее своего достоинства». Критик поставил «Мельника...» в один ряд с «Бригадиром» и «Недорослем», подчёркивая, что «водевиль Аблесимова „Мельник“ и комедии Фонвизина убили все комические знаменитости, включая сюда и Сумарокова». Замечательно, что сам Белинский участвовал гимназистом в любительской постановке этой оперы, исполняя роль Мельника.

Персонажи Аблесимова фигурируют в самом первом из известных нам стихотворений Пушкина «К Наталье» (1813). Шутливое признание в любви актрисе крепостного театра графа Толстого разворачивается как цикл театральных сцен, в которых юный поэт воображает себя рядом с прелестной лицедейкой:

Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку...

В комментариях к этому стихотворению Пушкина Т. Г. Цявловская пишет: «Роли, в которых изображает актрису четырнадцатилетний поэт, говорят о репертуаре, давшем первые театральные впечатления Пушкину: опера

композитора Соколовского „Мельник – колдун, обманщик и сват“ – либретто Аблесимова, 1779 год (Филимон и Анюта); опера Саккини „Осмеянный скупец“ (Назора); опера Паэзиелло „Севильский цирюльник“ (Опекун – доктор Бартоло и Розина)»¹.

Чем же объясняется необыкновенный успех и широкая популярность этой комедии?

В сюжете пьесы крестьянину Анкудину, желающему выдать свою дочь Анюту за крестьянина, и его жене, «затрапезной» дворянке, мечтающей о зяте-дворянине, мельник, «колдун, обманщик и сват» Фадей представляет жениха Филимона, который удовлетворяет обоим требованиям. Дело в том, что Филимон – однодворец, типичный в Костромском крае «дворянин», имеющий право владеть крепостными, но обедневший и разорившийся. Хитроумный мельник с шутками, прибаутками, изрядно поживившись приношениями, устраивает дело к всеобщему удовольствию.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Мельник (*пьяный и с балалайкой*), Филимон и прежние.

Мельник. Ну-те-тка... (*К старику.*) Этого ли я к тебе приводил?

Анкудин. Этого, этого, не спорное дело, только, брат...

Мельник (*к старухе*). А ты с ним ли на дороге-та столкнулась?

Фетинья. С ним, точнёхонько.

Мельник. А у невесты и спрашивать нечего.

Анюта (*подходя к ним, рассматривает Филимона, он ей кланяется, и она ему*). Он!.. точнёхонько он!.. как же я рада!

Фетинья. Да ведь он дворянин, ты сказывал?

Мельник. Да ещё и природной.

Анкудин. Почему же мне называл ты его крестьянином?

---

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения, 1814–1822. М.: ГИХЛ, 1959–1962.

Мельник. А потому жа, что это правда.

Анкудин. Что ж за чертовщина такая? Дворянин и крестьянин; нет, нет, видно, брат-сват, ты нас морочишь.

Анюта. Батюшка и матушка, что до того нужды? пускай он хоть пастух будет, да мне полюбился; не думайте, отдавайте скорее.

Мельник (*берёт старика и старуху за руки; сперва к старику*). Ты за него отдать думаешь?

Анкудин. С охотой бы.

Мельник (*к старухе*). А ты, сватьяшка?

Фетинья. И я бы не упрямилась, коли дворянин он.

Мельник. Ладно, слушайте ж, что я вам петь буду.
(*Настраивает сперва балалайку, потом поёт.*)

Уж как шли старик со старухой из лесочка,

Из лесочка,

С ними дочка,

Пригожайка... (2 раза)

Навстречу им попался сосед-мельник,

Сосед-мельник,

Не бездельник,

Ворожайка... (2 раза)

Сосед-мельник загадает им загадку,

Им загадку,

Правду-матку

Загадает... (2 раза)

Ещё что да таково,

На Руси у нас давно:

Сам помещик, сам крестьянин,

Сам холоп и сам боярин,

Сам и пашет, сам орёт

И с крестьян оброк берёт.

Отгадайте!

Толк в том дайте.

Не болтайте,

Отгадайте... (2 раза)

Анкудин. Чёрт разве это отгадает, а не мы, грешные!
Мельник (*продолжая петь*).

Старики мои догадки не имеют,
Не имеют,
Не умеют
Отгадати... (2 раза)
Так ин мне пришло загадку разгадати,
Разгадати,
Не солгати,
Объявити... (2 раза)
Ища вот да что оно,
На Руси у нас давно:
Сам помещик, сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам и пашет, сам орёт
И с крестьян оброк берёт.
Это знайте:
Это знайте,
Не вступайте
Больше в спорец.
Его знают,
Называют
Однодворец!..

Слышали ль?.. он **однодворец**, а однодворец – и дворянин, и крестьянин – всё один.

Анкудин. Вот на! а я, хоть бы те треснуть, не домыслился этого.

Мельник. Ну, теперь спору больше нет?

Анкудин. Нисколько.

Фетинья. И я ни словечка. (*Особливо.*) Ведь всё уж дочь-та моя будет не за простым мужиком-охрянном, а таки хотя за половиною да дворянином.

Анкудин. Пускай, пускай по-твоему.

Мельник. Нечего ж и смышлять больше, ну-тка, в добрый час весёлым пирком да за свадебку.

Фетинья. Во святой час! по рукам, да и замуж.

Анкудин. Спасибо, брат соседушка, правду молвить, удружил всем нам. <... >

Такой сюжет был типичен для довольно обширного слоя бедных дворян в России. В письме к М. П. Погодину от 4 июля 1854 года из Кинешмы писатель-костромич А. А. Потехин сообщал: «Кстати, я познакомился здесь с одним однодворцем, который, по своим документам, прямой потомок князей Бельских. Этот однодворец жил до некоторого времени как простой мужичок, женат на дочери вольноотпущенной девушки, не умеет ни читать, ни писать, владение его всего девять десятин земли; человек он от природы добрый, честный, смиренный...» В пьесе Аблесимова такому дворянину Мельник даёт следующую характеристику:

Сам помещик, сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам и пашет, сам орёт
И с крестьян оброк берёт.

Комическая опера Аблесимова, выводящая на сцену живые картины русской провинциальной жизни, была принята сочувственно демократически настроенной театральной публикой тех лет. Народностью веяло от героев пьесы, особенно от лукаво-добродушного мельника, от песен, которыми она была богата, от её колоритного языка, от «дворянки» Фетиньи, от однодворца Филимона, от его возлюбленной Анюты.

В. В. Касторский обратил внимание, что Аблесимов использовал в своей пьесе распространённые в костромском крае песни: «Земляничка-ягодка...», «Вы реченьки, реченьки...», «Кабы знала, кабы ведала...» и др. Поэт очень заботился о правильном их исполнении и сам напевал их композитору М. М. Соколовскому, сочинявшему музыку к его «Мельнику...».

В то же время пьеса вызвала резкие нападки со стороны представителей высшего дворянского общества. Они

высмеивали Аблесимова за его «мужицкую пьесу», говорили, что она написана не по правилам «пиитического искусства». Они находили в ней что-то «уж чересчур близкое к простой, необработанной натуре» и считали пьесу «не совсем приличной для зрителей высшего тона». Дворянские аристократы говорили: «Этот Аблесимов надоел со своими мужиками».

Смущённый авторитетными для него мнениями, опередивший своё время, Аблесимов в угоду традиции пишет ряд других пьес: оперетку в одном действии «Счастье по жребии» (1780), комедию в пяти действиях «Подъяческая пирушка» и комическую оперу «Поход с непременных квартир». Последние две не были в своё время напечатаны, и рукописи их утеряны. Однако известно, что комическая опера «Поход с непременных квартир» не без успеха шла в Москве, впервые поставленная здесь в 1782 году. По словам современника, она была «довольно хорошо принята публикою: сочинитель показал в оной пьесе подробно все солдатские нужды, как искусившийся по сей части».

Но эти пьесы оказались значительно слабее «Мельника...». Аблесимов вынужден был идти на неизбежный в те годы компромисс. К открытию в Москве Петровского театра он, по заданию театральной дирекции, сочинил, например, диалог «Странники» (1780). Его героями стали аллегорические персонажи, взятые из античной мифологии (Талия, Муза, Сатир, Аполлон). В этом диалоге Аблесимов утверждал, что сатире не место в театре.

В последние годы жизни Аблесимов обратился к журналистике. При материальной поддержке Новикова он издавал в Москве еженедельный сатирический журнал «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или Когда кому делать нечего» (1781), но журнал этот просуществовал недолго.

К моральным страданиям присоединялись материальные лишения. А. О. Аблесимов умер в начале 1783 года в Москве. На могиле его не было поставлено никакого памятника, и она скоро была затеряна. В 1784 году актёром петербургского немецкого театра Зауервейдом, было

опубликовано письмо об авторе «Мельника...»: «Сочинитель этой оперы, которая так выгодна была московским и петербургским театрам и так нравилась русской публике, умер года полтора назад в величайшей бедности. Он не оставил после себя ничего, кроме старого изломанного стула о трёх ножках, за которым он писал „Раскащика“ (сатирический еженедельник), „Мельника“ и „Пролог“...»

Утверждали, что на закате дней Аблесимов говорил: «Мой „Мельник“ не умрёт!» Писатель был прав. Его пьеса не умерла... Она содействовала развитию в русской литературе и русской музыке реализма и народности. В 1993 году, фактически в наши дни, его комическая опера была поставлена на сцене Московского театра на Малой Бронной и шла с большим успехом в течение нескольких лет.

Сочинения Аблесимова в 1849 году изданы А. Ф. Смирдиным в одной книге с сочинениями Е. И. Кострова. Это издание сделано неполно и небрежно. В полном виде произведения писателя опубликованы С. А. Венгеровым в первом томе его «Русской поэзии» (СПб., 1879) с ценными статьями и примечаниями.

Сочинения А. О. Аблесимова

Сочинения. – СПб.: изд. А. Смирдина, 1849.

Полное собрание стихотворений // Русская поэзия / под ред. С. А. Венгерова. – Т. 1. – СПб., 1897.

Мельник – колдун, обманщик и сват // Русская комедия и комическая опера XVIII в. – М.; Л., 1950.

Литература о творчестве А. О. Аблесимова

Аблесимов Александр Онисимович // Опыт исторического словаря о российских писателях / сост. Н. Новиков. СПб., 1772. – С. 1–2.

Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей / С. А. Венгеров. – Т. 1. – СПб., 1900.

Венгеров С. А. Критическо-биографический словарь русских писателей и учёных / С. А. Венгеров. – Т. 1. – СПб., 1889.

Западов А. В. Комическая опера / А. В. Западов // История русской литературы. – Т. 4, ч. 2. – М.; Л., 1947.

Касторский В. В. Писатели-костромичи / В. В. Касторский. – Кострома, 1958.

Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России / А. А. Гозенпуд. – Л., 1959.

Степаненко Е. Т. Слава и честь «Мельнику» / Е. Т. Степаненко // Степаненко Е. Т. Кострома – наш любимый городок: художеств.-ист. очерки / Е. Т. Степаненко. – Кострома, 2013.

Рекомендации по работе с материалом учебного пособия

1. Выпишите в рабочую тетрадь основные биографические сведения об А. О. Аблесимове

2. Ответьте на вопросы:

Какую роль в литературной судьбе А. О. Аблесимова сыграли А. П. Сумароков и Н. И. Новиков?

Какие темы, мотивы преобладали в литературном творчестве писателя?

Почему комедия Аблесимова «Мельник – колдун, обманищик и сват» приобрела широкую популярность в конце XVIII – начале XIX века?

Задания для самостоятельной работы

1. Проанализируйте сатирическую «быль» Аблесимова «Муж и жена». Какие пороки в ней обличает автор? В каких ещё произведениях Аблесимова развивается эта тема? Как вы думаете, почему именно она становится важной для автора?

МУЖ И ЖЕНА

Охотник в карты муж играет:

Над картами потеет,

От карт не богатеет,

Скудеет.

Охотница жена с любви дань собирать:

Сбивая дань, потеет,

Трудом сим не скудеет,
Трудом сим богатеет.
Супругу муж свою подозревал,
    Увещевал
Сие отринуть дело.
Жена ему на то сказала смело:
    – Теперь я зрю сама,
    Что нет в тебе ума.
Когда б не я пеклась о нашей денег трате,
Так был бы уж давно ты муж мой в магистрате¹.

2. Сравните басни «Дворянка в купчихах» и «Купчиха во дворянках». Покажите, как в них проявляются общие идеи просветительской литературы и особенности индивидуальной манеры Аблесимова. Какие историко-литературные ассоциации возникли у вас при знакомстве с этими баснями? Как вы думаете, случайно ли возникли подобные переключки?

ДВОРЯНКА В КУПЧИХАХ

Чиновного отца дочь, девка-сирота,
По бедности купцом в супружество взята:
Купецкой став молодой,
Другою начала ходить походкой!
    Во девушках она
    Не кушала вина
    И презирала водку.
    Одну имела лишь охотку:
    Почасту кушать чай!
    Читатель, примечай:
    Придвинувшись к купчищу,
    Придвинулась к винищу
    И к крепкому пивищу.
Пустилась в чарку нос частёхонько втыкать.
    Привыкла куликать...
И ныне уже пьёт она с охоткой

---

¹ То есть в долговой тюрьме.

Поутру тот же чай;
Но пьёт его уж с водкой...
Читатель, примечай:
Плотненько ежель кто вокруг кого потрётся
Иль с кем друженько поведётся,
Ума и разума того и наберётся.

КУПЧИХА ВО ДВОРЯНКАХ

Купеческая дочка,
На возрасте девочка,
Смазливенька лицом,
В замужстве быть никак не мнила за купцом...
Отец её имел достаточек свободный;
Так ей желалось быть, конечно, благородной!
    Не стало дело в том,
    Старуха шасть к ним в дом!
    Невесте роспись в руки,
И ей за женихов сама бралась в поруки...
    Старик своё дитя,
    Утешить захотя,
    Не размышляя боле,
Желая следовать во всём дочерней воле,
Заметил женишка в сей росписи с чинком,
Которого отец ему бывал знаком...
Откладывая сего вдаль дела не хотели,
Условились: жених, на смотр явясь,
    Невесте полюбясь,
Ударив по рукам... подружки песни пели;
Потом и свадебку немедленно свертели.
Причина скорости такой сия была:
    Невесте честь мила...
Жених же выгоды свои, напротив, числил;
Он состояние своё поправить мыслил:
Деревню чтоб купя, иметь с неё доход...
Но сказан вдруг ему нечаянный поход!
Пришло супружнику с супругой расставаться;

Однако ж не забыл он к денежкам прибраться
И, нагружая всем, сел на воз как-нибудь,
Да и отправился в свой путь...
    Осталась молодая,
    Об муже потужа
И всю потом печаль на радость проложая...
Затейливостей тех своих не покидая,
Какие в девушках приятны были ей,
    На воле став своей,
Приданое она довольное имея;
Но как себя вести, того не разумея,
Не в зрелом возрасте она ещё была, –
По-новомодному во всём себя вела:
    Уборы и наряды
    Брала всегда без ряды.
Сначала чистые платила рубельки;
А после начала давать и вексельки¹,
Лишь только чтобы ей со вкусом нарядиться...
Не слушалась ни в чём родимого отца,
Не знала, как себе уставить и лица!
    И вздумала гордиться
Перед купчихами, их стала презирать,
Пустилась картами исправно козырять!..
Убит в походе муж, супружница осталась...
Родня ей новая немедленно сыскалась:
    Кто кум, кто сват, кто брат...
    Недолго ж это длилось,
Повсюду вексельков довольно расплодилось;
Голубушку сию стащили в магистрат.
Отец хоть выкупил её из сей неволи,
Но уж восстановить не мог ей прежней доли.
Купец при свадьбе щедренько поступил:
За дочью он всё именье укрепил,
Сам чистым чист остался
И после только чуть не по миру скитался.

---

¹ Вексель – это ценная бумага, дающая возможность отсрочки платежа.

3. Прочитайте пьесу Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват». Подготовьте в группах выразительное чтение фрагментов пьесы по ролям.

4. Охарактеризуйте персонажей комической оперы. В чём они напоминают героев русского фольклора (песен, социально-бытовых сказок)?

5. Покажите, как в пьесе обыгрываются народные традиции, верования, приметы, суеверия.

6. С помощью конкретных цитат из «Мельника...» объясните, почему некоторые современники считали пьесу Аблесимова «грубой», «мужицкой».

7. Проанализируйте фрагмент пьесы с точки зрения особенностей языка. Объясните, какими лексическими, грамматическими, синтаксическими средствами создаются речевые характеристики персонажей.

Действие 2

Театр представляет поле, с одной стороны вдали мельницу, реку и лес, а с другой, наперед, двор крестьянский, потом сумерки и восходящий месяц.

ЯВЛЕНИЕ 1

А н ю т а и Ф и л и м о н .

Анюта выходит из двора, а после Филимон из лесу.

Анюта. У!.. да уж на дворе-та и смеркается! Когда это день прошёл? Смотри, пожалуй, а я работаючи-та и не видала. (*Поёт начало: «Земляничка-ягодка...».*)

По всей я младости
Ведь не вижу радости,
Вот мой
Талан какой. (2 раза)
Нету мне весела дня;
Всё сушит,
Всё крушит
Всякой час меня.

Филимон (*ходя между тем задумавшись и, по голосу за-видя её, останавливается*). Это она!.. она точнёхонько!..

Анюта (*увидя Филимона*). Это он?.. Точно он!..

Филимон. Подойду к ней, что ни будет, то будет.
(*Подходит.*)

Анюта. Он ко мне идёт?.. Так, ко мне; нет, я уйду от него, а то неровно как старики мои меня с ним увидят, то пойдёт дым коромыслом! (*Хочет уйти и после останавливается.*)

Филимон (*также остановясь*). Беги, пожалуй, что нужды? Видишь какая, коли так упряма, ты чаешь, краше тебя и нету; ан, лих, есть много, не тебе чета, и я, право, гоняться-та за тобою не буду.

Анюта (*про себя*). Кажется, он вздурился, что я уйтить-та хотела! Эдакая напасть моя, что станешь делать? Не уйтить – горя, а уйтить и вдвоя... да не кая пропасть, мне и самой хочется повести с ним поговорку.

Филимон (*увидя, что она остановилась*). А! а... это ей не по сердцу, что я сказал: гоняться-та за ней не буду... эдак-та лучше с ними водиться; у нас ведь по-сельски: как любушке своей тулунбаса два-три в спину влепишь и она стерпит, так и наша.

Анюта. Не знаю сама, что бы это такое со мною стало?.. Что я его лишь увижу, так сердце моё всё затрепещет, руки опустятся, ноги подогнутся, и с места не сдвинешься!.. Что ж будешь делать? Хоть побои принять, а с ним перемолвлю. (*Воротясь, подходит к нему тихо.*)

Филимон (*также к ней приближаясь, про себя*). Ты ко мне, и я к тебе. (*Анюту.*) Девица красная, подобру ль живёшь, поздорову?

Анюта. Не пуше так, чтобы тебе сказать – радощно.

Филимон. Да тебя давно уж и в посидёнках не видно.

Анюта. Матушка меня не пускает; говорит: ты, дискать, уж девушка-невеста, так женихи осудят, и я от этого иногда и плачу.

Филимон. Не тужи, красная девица, авось-либо дождёмся и мы своей воли.

Анюта. Кажется, мне не нажить этих дней. (*Особо.*) Он, видно, хочет на мне жениться.

Филимон (*особо ж*). Женился б не шутём, кабы было можно.

Анюта (*поёт начало на голос: «Кабы знала, кабы ведала, мой свет...»*).

Кабы я, млада, уверена была,
Что дружку своему хоть чуть-чуть я мила:
Я бы всякий день немножко
С ним видалась хоть в окошко
И не в скуке бы жила.

Филимон (*особо говорит*). Побожусь ей, что я невесть как её люблю.

Анюта (*продолжает петь на тот же тон начало*).

Только милый мой не ведает того,
Как безвременно крушусь я для него:
Он во сне мне часто снится,
Будто вздумал он жениться
На иной, а не на мне.

Филимон. Нет, нет! что пустое затевать! этого и в уме не бывало.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мельник и прежние.

Мельник. Ого! сокол, ты уж и здесь! Скоренько ты залетел... а я ничего-таки, тяпнул винца мерочку, так и веселея стало. Здорова-ка, Анюта!

Анюта. Здравствуй, соседка.

Мельник. Что-та как эдак вы делаете?

Анюта. Пели песни.

Филимон (*Мельнику*). Слышал ли ты, как она жалобно пела?

Мельник. Слышал, слышал, да это ненадолго; скоро запоёт иным голосом, уж не так заунывно.

Анюта (*досадуя*). Зачем его чёрт принёс?

Филимон. Небось, нет ничего.

Анюта. Да видишь какой, только помешал нам!

Филимон (*поёт*).

Полно, светик мой, стыдиться,
Станем мы при нём дружиться,
Дай мне рученьку свою,
Дай голубушку мою.

Анюта.

Ничуть это не годится,
Чтоб так при людях резвиться,
Отвяжись и не шути,
Ведь нисколько в том пути.

Филимон.

Его нечего таиться;
Старик этот пригодится,
Распознай сама его,
Он пригоден для всего.

Анюта (*обертываясь назад*). Ай! ай!.. уйдите, уйдите!
старуха моя сюда идёт.

Мельник. Уйдём, уйдём, ведь старуха-та великая хлопотунья.

Мельник и Филимон уходят назад театра и прячутся за крестьянский двор.

8. Какими в пьесе предстают молодые влюблённые Филимон и Анюта? Как вы думаете, почему эти персонажи привлекли внимание юного Пушкина?

9. Можно ли сказать, что нравы крестьянства, изображённые Аблесимовым в «Мельнике...», противопоставлены нравам дворянства, показанным в стихотворных сатирах писателя?

10. Сопоставьте произведение Аблесимова с написанной на 7 лет ранее комической оперой «Анюта» М. И. Попова (1772). Какое из этих произведений в большей мере можно назвать народным по духу? Почему?

Темы докладов, рефератов, исследовательских работ

1. Пьеса А. О. Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват» в контексте русской драматургии конца XVIII века: общие черты и своеобразие.

2. «Мельник...» Аблесимова в отзывах зрителей и в профессиональной русской критике.

3. Признаки костромских говоров в речи персонажей комической оперы Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват».

4. Художественное значение разных фольклорных жанров в пьесе Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват».

Задания для организации проектной деятельности

1. Подготовьте в творческой группе проект новой постановки «Мельника...» на сцене Костромского драматического театра: предложите современное прочтение пьесы, покажите её актуальность для сегодняшнего зрителя. Опишите своё представление о сценографическом решении, костюмах персонажей, музыкальном оформлении. Создайте несколько эскизов основных сцен. Напишите рекомендации для исполнителей главных ролей или дополните текст пьесы собственными подробными ремарками.

2. Подготовьте для школьников и студентов, изучающих творчество Аблесимова, музыкальный комментарий к пьесе «Мельник – колдун, обманщик и сват». Для этого подберите аудиозаписи народных песен, исполняемых в произведении, и включите их в нужной последовательности в презентацию, содержащую фрагменты текста пьесы и иллюстративный ряд.

Николай Фёдорович
ГРАММАТИН
(1786–1827)

Николай Фёдорович Грамматин (первые свои произведения он подписывал Грамотин или Граматин) родился 13 (24) ноября 1786 года в деревне Матвеевское Кинешемского уезда Костромской губернии в среднепоместной дворянской семье. Один из современных исследователей его биографии А. С. Грамматин нашёл обширную рукопись брата его, Алексея Фёдоровича Грамматина (1788–1848), под названием «Исторические сведения о моих предках»¹. Этот документ проливает свет на драматическую историю детских лет писателя-костромича.

Дед Н. Ф. Грамматина по отцу, Никифор Антонович, имел двух сыновей – Ивана и Фёдора. Когда он умер, Ивану было 15, а Фёдору – 13 лет. Матери они лишились ещё раньше. Оба поступили на военную службу, но служили недолго. Выйдя в отставку, братья начали делить доставшееся в наследство имение. «Делили каждую полосу, каждую луговину резали надвое, и в самом отцовском доме рассчитали горницы пополам. Это и дало начальный повод к вражде и ссорам между ними». После смерти родного дяди Якова Антоновича братья получили в наследство село Светочеву Гору и три деревни, которые разделили так же, на свой манер, приводивший к неизбежным ссорам.

Фёдор Грамотин усердно занимался хозяйством, улучшал поля, завёл холмогорский рогатый скот, был большой любитель лошадей. А Иван жил беззаботно, весело, мало думая о будущем, и скоро запутался в долгах. В то время

---

¹ Далее в рассказе о судьбе родителей Н. Ф. Грамматина приводятся выдержки из статьи: *Грамматин А. С.* Русский Оссиан // Московский журнал. История государства Российского. 2002. № 4. С. 19–23.

наряду с государственной монополией существовали винные откупа – государство разрешало частным лицам за плату изготавливать и продавать вино. Иван, чтобы поправить дела, построил винокуренный завод на своей половине усадьбы в Матвеевском. Место оказалось очень удобным: чистая ключевая вода, рядом речка Нодога, по которой с верховьев сплавляли лес на дрова, требующиеся при винокурении в больших количествах. В половодье в речку заходили небольшие суда с Волги, доставляя хлеб прямо к заводским амбарам. Многочисленные винные караваны мяли при этом луга и топтали поля, принадлежащие Фёдору. Братья сделались врагами. Не довольствуясь законной прибылью, Иван начал продавать корчемное¹ вино, которое его люди развозили по сёлам в бочках под видом можжевёлового кваса. Фёдор грозился поймать корчемников и отдать под суд, но Иван только смеялся, уверенный в расположении к себе губернского начальства. И действительно, когда староста Фёдора Никифоровича конфисковал и представил в суд три бочки незаконного вина, Иван подкупил судей и вышел сухим из воды.

Тогда Фёдор с женой и детьми поехал искать правды в Петербург. Однако его прошениям в Правительствующий сенат и на Высочайшее имя не давали хода, возвращая их на рассмотрение в губернию. Человек горячий и настойчивый, он в конце концов решил вручить просьбу лично императрице, находившейся в Царском Селе, где не должностным лицам пребывать дольше 24 часов запрещалось. Фёдор Никифорович дважды нарушил этот запрет. Тогда по приказу генерал-прокурора А. Н. Самойлова он был насильно выдворен из Петербурга и препровожден с семейством в Кострому.

Бесплодная четырёхлетняя тяжба привела Фёдора к душевному расстройству. И раньше не отличавшийся мягкостью в обращении с крепостными, он стал теперь ещё суровее и строже. В конце ноября 1795 года за растерянное по дороге сено он велел жестоко наказывать нескольких крестьян, в результате чего один из них умер.

---

¹ Корчемный промысел – незаконное (минуя казну) производство и продажа вина.

Началось следствие. Фёдора Никифоровича взяли под стражу и отправили во Владимир. Семья поехала за ним. Следствие продолжалось пять лет, и все пять лет он твердил, что подвергается гонениям за своё стремление соблюсти царские интересы. Его душевная болезнь между тем прогрессировала, на что судьи, очевидно, не обращали внимания, так как в 1800 году постановили сослать Фёдора Грамотина на поселение в Сибирь. «Судьба, однако, сжалилась над несчастным, и по дороге в Сибирь он скончался в Казанской губернии, где и был похоронен – в 7 верстах от Чебоксар».

После смерти отца мать с детьми Николаем и Алексеем переехала в Москву к своему родному брату Кириллу Фёдоровичу Тухачевскому¹, который и стал опекуном детей. В 1802 году Кирилл Фёдорович поместил братьев Николая и Алексея Грамматиных в Московский университетский Благородный пансион.

Н. Ф. Грамматин окончил пансион с отличием в 1807 году. Вместе с Д. В. Дашковым и М. В. Милоновым он увлёкся здесь литературным творчеством и переводами. В университетских изданиях «Отдых в пользу» и «Утренняя заря» появились его поэтические опыты. На талант Грамматина обратили внимание русские поэты того времени – И. И. Дмитриев, А. Ф. Мерзляков, В. А. Жуковский.

Специфической особенностью общественной жизни начала XIX века была организация литературных объединений. Самым ранним из них явилось возникшее в Москве в январе 1801 года Дружеское литературное общество, выросшее из студенческого кружка воспитанников Московского университета и Благородного пансиона – братьев Андрея и Александра Тургеневых, А. Воейкова, А. Кайсарова, В. Жуковского, С. Родзянки.

Грамматин, поступивший в Московский университетский Благородный пансион через год после организации Дружеского литературного общества, попал в число младших его участников. По словам А. Ф. Мерзлякова, здесь

---

¹ Из рода костромских дворян – предков маршала М. Н. Тухачевского.

«молодые люди, знакомством и дружеством соединённые, сочиняли, переводили, разбирали свои переводы и сочинения и таким образом совершенствовались себя на трудном пути словесности и вкуса». Один из инициаторов общества, Андрей Тургенев, написал в качестве поэтического образца элегию «Угрюмой Осени мертвящая рука...» (1802):

Угрюмой Осени мертвящая рука
Уныние и мрак повсюду разливает;
Холодный, бурный ветер поля опустошает,
И грозно пенится ревущая река,
Где тени мирные доселе простирались.
Беспечной радости где песни раздавались, –
Поблекшие леса в безмолвии стоят,
Туманы стелются над долом, над холмами.

Где сосны древние задумчиво шумят
Усопших поселян над мирными гробами,
Где всё вокруг меня глубокий сон тягчит,
Лишь колокол ночной один вдали звучит,
И медленных часов при томном *удареньи*
В пустых развалинах я слышу стон глухой, –
На камне гробовом печальный, тихий *Гений*
Сидит в молчании, с поникшею главой;
Его прискорбная улыбка мне вещает:

«Смотри, как сохнет всё, хладеет, истлевает;
Смотри, как грозная, безжалостная смерть
Все ваши радости навеки поглощает!
Всё жило, всё цвело, чтоб после умереть!...»

Элегия разрешается упованием на вечное блаженство, которое ждёт смертного человека за гробом:

Не вечно и тебе, не вечно здесь томиться!
Утешься; и туда твой взор да устремится,
Где твой смущённый дух найдёт себе покой
И позабудет всё, чем он терзался прежде;
Где вера не нужна, где места нет надежде,
Где царство вечное одной любви святой!

Андрею Тургеневу вторил М. Милонов. В послании «К другу. О наслаждении в жизни» (1810) он так размышлял о скоротечности земного бытия, о его хрупкости и непрочности:

Мой друг, на свете всё прременно,
В нём счастья прямого нет,
Улыбка радости мгновенна,
Мгновенна горечь лютых бед.
Как в осень служат часто воды
Добычей бурной непогоды,
Так наш непостоянен рок.

В этом же эмоциональном ключе пишет свою элегию «Осень» и Грамматин:

Мрачная осень,
Други, настала,
Вранов зловещих
Крик раздаётся,
Хор сладкогласный
Птичек умолк.
<...>
Трепет холодный
Льётся по жилам,
Мрачная горесть
Душу объемлет...

При этом Грамматин, в отличие от своих товарищей, выбирает не четырёхстопный или шестистопный ямб, а относительно редкий в ту пору в русской поэзии трёхсложный метр: кажется, что белые дактили его «Осени» вдохновлены стихотворением Карамзина с тем же названием:

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Жёлтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло –
Скрылися птички.

<... >

1789

Впрочем, Грамматин не воспроизводит Карамзина, а может быть, даже полемизирует с ним, находясь при этом под воздействием его интонаций.

Замечательно, что между членами общества уже в самом начале возникли разногласия по отношению к Карамзину. Андрей Тургенев произнёс на заседании общества речь, в которой осудил Карамзина и его последователей за отсутствие в стихах «высокого» содержания, за безнародность и «подражательность». Карамзин «слишком склонил нас к мягкости и разнеженности, – заявил поэт. – Скажу откровенно: он более вреден, чем полезен, нашей литературе... Он вреден потому ещё более, что пишет в своём роде прекрасно; пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами...»

Радикальные настроения Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова не разделяют последовательные карамзинисты – Василий Жуковский, Семён Родзянка. Они придерживаются более умеренных взглядов, сосредоточивая своё внимание на проблемах нравственных, культивируя в духе Карамзина личную, а не общественную добродетель. Однако другие члены общества, и Грамматин в их числе, примыкают к Тургеневу и Кайсарову. Уходя от элегической настроенности карамзинистов, Андрей Тургенев в стихотворении «К отечеству» (1802) возрождает традиции торжественной оды, героической и мужественной поэзии, предвосхищающей на много лет вперёд гражданскую лирику декабристов:

Тебя, отечество святое,
Тебя любить, тебе служить –
Вот наше звание прямое!
Мы жизнь свою купить
Тебе готовы благоденство.

В речи, направленной против Карамзина и карамзинистов, Андрей Тургенев считает радикальным средством преобразования литературы обращение к народным песням: «Теперь только в одних сказках и песнях находим мы остатки русской литературы. В сих-то драгоценных остатках, а особливо в песнях, мы и чувствуем ещё характер нашего народа. Они так сильны, так выразительны, в весёлом ли то или в печальном роде, что над всяким непременно должны произвести своё действие. В большей части из них, особливо в печальных, встречается такая пленяющая унылость, такие красоты чувства, которые тщетно стали бы искать мы в новейших подражательных произведениях нашей литературы».

Родоначальниками жанра русской песни можно считать поэтов конца XVIII – начала XIX века – И. И. Дмитриева («Стонет сизый голубочек...», 1792; «Ах! когда б я прежде знала...», 1792) и Ю. А. Нелединского-Мелецкого («Ох! Тошно мне...», 1791; «Выйду ль я на реченьку...», 1796).

В первой половине XIX века обращение к фольклору становится более осмысленным, подкреплённым теоретически. Возникают две жанровые разновидности: 1) поэзия, стремившаяся воспроизводить эпические жанры фольклора; 2) поэзия, имитирующая лирическую народную песню. Образцы лирической имитации дал А. Ф. Мерзляков в своих песнях, воспроизводивших характерные приметы языка, стиля, ритмического рисунка и композиции народной песни. Из его песен, очень популярных в первой половине XIX века, в современном репертуаре сохранились «Чернобровый, черноглазый...» (1803); «Ах, что же ты, голубчик...» (1806); «Среди долины ровныя...» (1810).

Грамматин, вслед за Мерзляковым, создаёт свои народные песни, входившие в русские песенники первой половины XIX века: «Ты не плачь, не плачь, красна девица!..» (1811), «Не шуми ты, погодушка!..» (1815), «Долго ль, сердце, нам с тобою тосковать?..» (1820). Он глубоко убеждён,

что современная поэзия должна опираться на фольклор и развивать традиции древнерусской литературы. Поэтому Грамматин часто прибегает к искусным стилизациям народных песен, широко используя фольклорную лексику, образность и фразеологию, имитируя ритмический строй русского народного стиха.

Не шуми ты, погодушка!
Не бушуй ты, осенняя!
Не волнуй Волгу-матушку,
Не клони бор к сырой земле,
Без того мне тошнѣхонько,
Не глядел бы на белый свет.
Ты, душа моя, девица!
Ты, душа моя, красная!
Ах! на что я узнал тебя?
Ах! на что полюбил тебя?..

Предвосхищая Катенина, он пытается творить баллады в народном духе, наиболее ярким образцом которых является «Усад и Всемила» (1810). Русский склад и фольклорно-эпические мотивы использует Грамматин и в главном произведении своего творчества – эпической поэме «Освобождённая Европа» (Вестник Европы. 1815. № 3), воспевающей героическое время Отечественной войны 1812 года. Поэт славит в своем эпико-героическом стиле освободительную миссию России в наполеоновских войнах. В издании 1829 года эта поэма вышла под заглавием «Песнь воинству Александрову». Патриотические чувства писателя выразились и в стихотворении «На смерть князя Голенищева-Кутузова Смоленского»:

Смерть! разить помедли,
Да свершит Кутузов
Подвиг, им начатый,
Да расторгнет цепи
Склепанных народов,
Да спасёт Европу.

Тщетно! в гроб нисходит
Наше упованье;
Плачь, рыдай, Россия!
Плен твой сокрушивший
Сам в оковах смерти;
Плачь, велик урон твой.

Нет, прерви рыданье,
Мать племён несметных!
Сын твой жив, не умер,
Жить в веках позднейших
Будет твой спаситель:
Гроб есть дверь к бессмертью.

Грамматин проявлял существенное внимание к древнерусской литературе и народному эпосу. В 1809 году он получил учёную степень магистра за один из первых трудов по истории древнерусской литературы «Рассуждение о древней русской словесности», опубликованный в Московской университетской типографии. В кругу древнерусских памятников Грамматин рассмотрел «Слово о полку Игореве», обратив внимание на его художественные особенности и стиль. По мнению поэта, автором «Слова...» был человек светский, неучёный: «Слово...» написано простонародным языком, который труднее понимать, чем церковно-славянский язык Библии.

В августе 1809 года Н. Ф. Грамматин перебрался в Петербург и поступил на службу в Экспедицию о государственных доходах. В столице он сразу стал членом Общества любителей наук, словесности и художеств, близко сошёлся с Н. И. Гнедичем, К. Н. Батюшковым, В. Л. Пушкиным. Однако канцелярская служба с самого начала пришлась Николаю Фёдоровичу не по душе.

В апреле 1810 года он увольняется по собственному прошению и уезжает в принадлежащую ему деревню Гуленево Нерехтского уезда Костромской губернии, где продолжает активную литературную деятельность, часто публикуется в альманахе «Цветник», издаваемом А. Е. Измайловым.

В 1811 году сочувствующий Грамматину поэт И. И. Дмитриев занимает пост министра юстиции и предлагает ему место в одном из департаментов министерства. Грамматин вновь возвращается в Петербург. Здесь выходит в свет сборник его произведений «Мои досуги» с посвящением И. И. Дмитриеву.

В 1812 году Грамматин назначается директором Костромской гимназии и народных училищ. Человек холостой и бессемейный, он заботится о молодом поколении, много сил отдаёт совершенствованию преподавания в гимназии. Но не оставляет при этом своих литературных и научных занятий. Его стихи появляются в журналах «Вестник Европы» и «Сын Отечества».

В 1818 году болезнь заставляет Грамматина уйти в отставку и поселиться (как оказалось, до конца своих дней) в деревне Гуленево. Там он вновь всецело отдаётся литературе и изучению древнерусской словесности, любовь к которой выразилась эти годы в изучении и переводе «Слова о полку Игореве». Писатель сопровождает работу над переводом обширными историческими и критическими примечаниями и специальными статьями. В «Критическом рассуждении о „Слове о полку Игореве“» (Вестник Европы. 1822. № 18. Ч. 126) он даёт обзор работ и переводов памятника за первые двадцать лет после его опубликования. Писатель разъясняет здесь «тёмные места» «Слова...», даёт характеристику лексических его особенностей. Одновременно с этой публикацией Грамматин издаёт книгу «Песнь воинству Игореву, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия и с оного переведённая на употребляемое ныне стихами старинного же русского размера, с краткими историческими и критическими замечаниями» (СПб., 1821). Затем выходит второе издание этой книги с дополнениями и с изменённым названием: «„Слово о полку Игоревом“, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славенском языке прозою и с оной преложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального преложения, с историческими и критическими

примечаниями, критическим же рассуждением и родословною» (М., 1823).

Сравнение названий двух изданий (1821 и 1823 годов) показывает, что Грамматин колеблется в определении жанра «Слова...» (песнь – историческая поэма), его языка (старинный русский язык – славенский язык), а также времени создания (в исходе XII – начале XIII века).

Приведём отрывок из прозаического перевода «Слова...»: «Не пристойно ли бы нам было, братья, воспеть древним языком трудную повесть о войске Игоревом, Игоря Святославовича? Воспетой же быть той песне по былям сего времени, а не по вымыслу Боянову: Боян мудрой когда кому хотел песню творить, то носился мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками; помнил он сказание давно минувших времён о войне, и тогда пускал десять соколов на стадо лебедей».

Даже из этого отрывка видно, что пересказ «Слова...» прозой был достаточно удачным, чего нельзя сказать о сделанном Грамматиным стихотворном переводе. В подтверждение приводим тот же отрывок в стихах:

Не воспеть ли, милы братие, любезные,
Мерой древней, заунывной не воспеть ли нам
О походе на половцов князя Игоря,
О походе неудачном Святославлича?
Повесть, жалости достойная и вечных слёз.
А почнём мы по былинам сего времени,
Не по замыслу Бояна песнь почнём свою.

Грамматин имитирует в своём переводе ритмический строй русских былин, пользуется дактилическими окончаниями стиховых строк. При этом на древнерусскую стилистическую основу он наслаивает языковые средства сентименталистов, романтиков и даже «архаистов»: «осенняя ночь тёмная», «хищны варвары», «хижины», «благоденствие градов», «хартий древности», «внемлем рокотанье струн». От такого стилистического эклектизма поэту не удалось избавиться даже в переводе плача Ярославны:

Как в глухом бору зегзицын Ярославнин глас
Рано слышится в Путивле на градской стене:
«Полечу, – рече, – зегзицей к Дону синему,
Омочу рукав бебряный во Каяле я,
Оботру кровавы раны князю на теле».
Ярославна рано плачет, жалко аркучи¹:
«Ветре, ветре! ты чему насильно вееши?
Чему мычешь, господине, стрелки ханские,
Мычешь крыльцами своими тиховойнными
На любезных мне и милых воев Игоря?»

В творческом наследии Грамматина большое место занимают переводы. Глубокие и разносторонние филологические познания дали возможность поэту после выхода из пансиона составить 1-й том «Нового английско-российского словаря» (М., 1808). Вслед за Жуковским он выбирает из иностранных авторов лишь то, что соответствует его собственному вкусу и настроению. Но, в отличие от Жуковского, он стремится быть ближе к подлиннику. Среди его переводов с английского, немецкого, французского и итальянского языков ведущее место принадлежит переводам из Оссиана, легендарного шотландского барда III века, – «Древние галльские песнотворения Оссиана».

«Оссианическая» поэзия и проза стала в начале XIX века одной из форм зарождавшегося романтического историзма. Шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736–1796), собиратель фольклора, создал сентиментально-лирические поэмы-мистификации, приписав их никогда не существовавшему кельтскому барду III века нашей эры – Оссиану. В 1765 году Макферсон издал двухтомное сочинение «Песни Оссиана», принятое в Европе за произведения северного Гомера, открывшего человечеству поэтическую древность индоевропейских народов. Во всех европейских странах возник настоящий культ «шотландского барда», который явился фактом пробуждающегося национального самосознания. Этот культ стимулировал обращение писателей и поэтов к отдалённым эпохам, к праистории европейского

---

¹ Аркучи – вещь, говоря.

человечества, к истокам собственной народности, к национальным божествам и героям. В основе элегического лиризма Оссиана был образ могущественного и неумолимого времени, уносящего древних героев и самую память об их доблести. «Песни Оссиана» были окрашены колоритом суровой северной природы и выдержаны в единой стилистической тональности – элегической скорби.

Оссианизм помогал становлению в европейской литературе национально-героической темы. Он определил духовную атмосферу, в которой совершалось наше восприятие и освоение былин, летописей, только что открытого «Слова о полку Игореве». Переводы и подражания «Песням Оссиана» стали появляться в России с 1780-х годов. В 1792 году Е. И. Костров издал прозаический перевод 24 поэм, опубликованных Макферсоном. Первые опыты оригинальной оссианической прозы относятся к 1790-м годам: «Оскольд» М. Н. Муравьева (издан Карамзиным в 1810 году), «Роговльд» В. Т. Нарезного (1798). В них воссоздаётся атмосфера древнего исторического предания, рисуются героические характеры, изображается мрачный ночной ландшафт. В лирической их композиции сливаются традиции сентиментальной повести и историко-героической элегии.

Оссиан был близок Грамматину. Недаром в литературных кругах его называли «русским Оссианом». Он не сомневался в подлинности публикаций Макферсона и писал в предисловии к «Древним галльским песнопениям»: «Что Оссиан жил и пел на галльском языке, в том нет никакого сомнения; песни его носят на себе такие очевидные признаки древности, что разве тот только в них усомнится, кто прочтёт его не с надлежащим вниманием». Для Грамматина Оссиан вместе с Гомером – «два величайших эпических песнопевца, каковых когда-либо произвела природа». «Живое и верное изображение природы» делает их творения «неподражаемыми» и «драгоценными для самого отдалённого потомства». Самый «дух Оссиана» Грамматин видел «в простоте, возвышенности, силе, краткости и живописи слога».

Избрав для переложений поэм Оссиана «русский склад»¹, Грамматин нигде не отступал от этого размера. То же самое характерно и для его перевода «Краледворской рукописи» чешского филолога В. Ганки (1820) и «Суда Любуши» из «Зеленогорской рукописи» его (в подлинности этих исторических документов Грамматин, подобно большинству своих современников, тоже не сомневался).

Последние годы жизни поэт тяжело болел и создал цикл религиозных произведений, вошедших в посмертный сборник «Стихотворения» (СПб., 1829). Николай Фёдорович Грамматин скончался 17 (29) января 1827 года и погребён на погосте Казанской церкви села Светочева Гора Нерехтского уезда (ныне Красносельского района) Костромской губернии. На могильном памятнике его была выбита составленная им самим эпитафия:

Друзья и сродники! Не сетуйте о мне:
Мы здесь – изгнанники, а там – в родной стране.

В Красносельском районе чтут память нашего поэта. В селе Светочева Гора проходят встречи почитателей таланта знаменитого земляка. В стенах местного храма иконы Казанской Божией Матери собираются школьники, местные поэты и филологи, читают его стихи. В 2003 году на месте погребения Николая Фёдоровича Грамматина открыли памятник, а также памятный знак в честь древнего рода Грамматиных. В основании памятника помещено стилизованное изображение развернутой книги, на левом развороте которой – гравированная иллюстрация «Слова о полку Игореве», на правом – текст отрывка из «Слова о полку Игореве» в переводе Н. Ф. Грамматина, на плите – текст эпитафии первоначального памятника.

---

¹ «Русский склад», или «русский размер», основан на ударном, тоническом принципе, который подразумевает, что определенные слоги в произведении стремятся к максимальной ударности, тогда как ударения на других слогах произносятся ослабленно, что требует особой, напевной манеры чтения. При этом в «русском размере» отсутствуют рифмы («белый стих»).

Сочинения Н. Ф. Грамматина

Досуги. – Ч. 1. – СПб., 1811.

Стихотворения. – Ч. 1–2. – СПб., 1829.

Песни и романсы русских поэтов. – М.; Л.: Сов. писатель, 1965. – С. 149–151. – (Большая серия Б-ки поэта).

Литература о творчестве Н. Ф. Грамматина

Андроников В. А. Памяти Н. Ф. Грамматина / В. А. Андроников // Костромская старина. – 1905. – Вып. 6.

Грамматин А. С. Русский Оссиан / А. С. Грамматин // Московский журнал. История государства Российского. – 2002. – № 4. – С. 19–23.

Касторский В. В. Писатели-костромичи / В. В. Касторский. – Кострома, 1958.

Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе: конец XVIII – первая треть XIX в. / Ю. Д. Левин. – Л., 1980. – С. 67–74.

Проскурин О. А. Грамматин Николай Фёдорович / О. А. Проскурин // Русские писатели, 1800–1917: биограф. сл. – Т. 2. – М., 1992. – С. 10–11.

Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. / А. Н. Соколов. – М., 1955. – С. 376–79, 674–75.

Творогов О. В. Грамматин Николай Фёдорович / О. В. Творогов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 2. – С. 55–56.

Шамбинаго С. К. Художественные переложения «Слова» / С. К. Шамбинаго // Слово о полку Игореве. – М., 1934.

Рекомендации по работе с материалом учебного пособия

1. Составьте хронологическую таблицу «Жизнь и творчество Н. Ф. Грамматина» по статье учебного пособия.
2. Подготовьте сообщение об участии Н. Ф. Грамматина в литературном процессе начала XIX века.

Задания для самостоятельной работы

1. Подготовьте сообщение на одну из предложенных тем:
  - *Н. Ф. Грамматин и его литературная позиция в эпоху становления русского литературного языка.*
  - *Удачи и неудачи Грамматина в работе над «Словом о полку Игореве».*
  - *Подражание народным песням и балладам в поэзии Н. Ф. Грамматина.*
2. Прочитайте созданные Грамматиным «Надписи к портретам русских писателей». Оцените точность, выразительность, оригинальность этих произведений. Как вы думаете, почему для характеристики русских творцов Грамматин чаще всего прибегает к сопоставлению их с зарубежными авторами?

НАДПИСИ К ПОРТРЕТАМ

Неизвестного сочинителя «Слова о полку Игоревом»

Как в дикости своей пленительна природа,
Подобно песнь твоя, российский Оссиан!
В ней гения видна орлиная свобода;
Орлом ширяться дар тебе природой дан.

Михаила Васильевича Ломоносова

Среди полярных льдов взлелеянный природой
И пламенной влеком к изящному охотой,
Он сам себе тропу на Пинде проложил;
Франклином, Пиндаром страны российской был.

Якова Борисовича Княжнина

«Родись опять, Мольер!» – изрек Латоны сын,
И, «Хвастуна» творец, родился в свет Княжнин.

Гавриила Романовича Державина

Прочь, прочь, не стихотворец ты,
Не чувствуешь коль вдохновенья.
Ты зришь Державина черты,
Царя ты видишь песнопенья.

Владислава Александровича Озерова

Расина русского здесь лик изображён;
Он музам от пелён служенью обречён;
Философ и пиит в глубь сердца проникает
И слёзы из очей невольно извлекает.

Ивана Ивановича Дмитриева

Душа его видна в творениях прекрасных,
Он в них изображён, как в зеркале вод ясных;
Он вкуса образцом на Пинде русском стал,
В нём скромный Лафонтен соперника венчал.

Константина Николаевича Батюшкова

Талант, приятность, вкус пером его водили,
И признаки труда малейшие сокрыли.
<1818>

3. Подготовьте комплексный филологический анализ баллады «Усад и Всемила».

Сопоставьте стихотворение Н. М. Карамзина «Осень» и стихотворение Н. Ф. Грамматина с тем же названием. В чём Грамматин следует предшественнику, а в чём отталкивается от него?

Н. М. Карамзин

ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло –
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься!
Вянет Природа
Только на малое время;
Всё оживится,

Всё обновится весною;
С гордой улыбкой
Снова Природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

1789, Женева

Н. Ф. Грамматин

ОСЕНЬ

Мрачная осень,
Други, настала,
Вранов зловещих
Крик раздаётся,
Хор сладкогласный
Птичек умолк.

Птиц голосистых
Песни не слышны;
Моря золотого
Ветр не волнует;
Класы под острым
Пали серпом.

Гладное стадо
Бродит уныло;
Корму не стало
В пажитях тучных;
Нет ни травинки
В поле пустом.

Роща оделась
В жёлтую ризу;
Старец лишь древний,
Бор зеленеет;
С луга зелёный
Убран ковёр.

Чада Эола
С цепи сорвались;
Сосны склоняют
Чёла столетни;
Дубы на корнях
Крепких скрипят.

Небо одето
Мраками тучи;
Феб лучезарный
Землю не греет,
Мещет сквозь облак
Тусклый лишь луч.

Влажны туманы
Стелются долу;
Тщетно печальный
Взор простираю,
Холмы в туманной
Скрылись дали.

Утром студёны
Падают росы,
С облак, сгущённых
Норда дыханьем,
Целый день льются
Реки дождя.

Всё опустело:
Птицы пропали,
Звери по норам
Ищут спасенья,
Страх лишь с тоскою
Бродят в лесах.

Общей творенья
Грозной кончины
Всё днесь являет
Образ печальный;
Взор не встречает
Жизни нигде.

Трепет холодный
Льется по жилам,
Мрачная горесть
Душу объемлет;
Что же утешит
В горести нас?

Дружба и музы
Нам утешенье!
Пусть умирает
Мать-природа,
Пусть на дубравы
Сыплется снег.

С кубком в деснице
Алого сока,
В мирной беседе
Граций прелестных
Ждать возвращенья
Будем весны.

В ризе, блестящей
Зеленью яркой,
Паки воскреснет
Мать-природа,
С нежной улыбкой
Взглянет на нас.

В мрачных, прохладных
Рощах тенистых
Паки природе,
Жизни царице,
Лики пернатых
Гимн воспоют.

Реки, расторгнув
Льдисты оковы,
Быстро покатят
Шумные волны;
Феб воссияет
В славе своей.

1810

Темы докладов, рефератов, исследовательских работ

1. Н. Ф. Грамматин – директор Костромской гимназии.
2. Интерпретация оссиановских мотивов в лирике Грамматина.
3. Поиски национальной самобытности в предромантической и романтической литературе начала XIX века (на примере творчества Грамматина и писателей круга Жуковского).

Задания для организации проектной деятельности

Подберите материал и подготовьтесь к дискуссии на тему «Эпигон или самобытный писатель второго ряда: о творчестве Н. Ф. Грамматина».

Проведите дискуссию в группе. Материалы занятия оформите как выпуск тематического номера одного из популярных изданий начала XIX века, например журнала «Вестник Европы», альманаха «Полярная звезда» или «Литературной газеты».

Павел Петрович СВИНЬИН

(1787–1839)

Писатель и журналист Павел Петрович Свиньин пользовался в начале XIX века широкой известностью не только в России. Его знали и уважали в Америке, где он несколько лет служил дипломатическим чиновником Министерства иностранных дел, где вышла его первая книга¹ и где в музеях хранятся несколько сделанных им рисунков. Хорошо знал Свиньина и русский читатель, охочий до всяких новинок и редкостей. Мало кто так старательно и постоянно знакомил публику со всевозможными диковинками, как этот энергичный, неутомимый и любопытный коллекционер и путешественник. Свиньин одним из первых в России на страницах своего журнала описал старейшие русские музеи (Кунсткамера, Артиллерийский), различные коллекции собирателей предметов древности и русской старины, археологические и историко-архитектурные памятники Центральной России, Украины, Молдавии, Урала, Башкирии, Киргизии. Издатель журнала «Отечественные записки» не только помещал в своем журнале любопытные архивные материалы, не только собирал всевозможные старинные вещицы и редкие книги, но и с особенным пристрастием рассказывал о красотах увиденных им земель и о талантливых русских людях – самоучках из простонародья:

---

¹ В 1813 году в Филадельфии вышла книга Свиньина “Sketches of Moscow and St. Petersburg”, иллюстрированная самим автором. Основная цель – «дать хотя бы поверхностное, но верное понятие о России в Новом Свете, наполненном славою Наполеона и жаждавшем узнать о народе, ниспровергшем сего дивного исполина». Этой цели автор достигает, описывая достопримечательности российских столиц и развеивая нелепые мифы о России.

самородных механиках, художниках, астрономах, изобретателях. Между прочим, в судьбе этих доморощенных талантов Свињин принимал настоящее искренное участие. Некоторые из них, конечно, оказывались пустыми фантазерами, графоманами, однако случалось Свињину усмотреть и таланты истинные. При его посредничестве прославился знаменитый Кулибин, а братья Чернецовы смогли поступить в Академию художеств¹.

Однако в России слава Свињина довольно рано приобрела какой-то комический оттенок. Его судьба – прямое свидетельство того, как острое слово, насмешливое прозвище могут намертво приклеиться к человеку и на века заслонить от окружающих его реальное лицо, его объективные таланты и заслуги.

Самый яркий литературный ярлычок прицепил к Свињину его собрат по литературному и издательскому делу Александр Измайлов, редактор журнала «Вестник Европы». В своей басне главному герою – хвостуну и лгуну – он даже имя не пожелал переменить. «Павлушка медный лоб – приличное прозвание». С первой строки басня стрелой летела прямо в цель и припечатывала Свињина обидным прозвищем.

ЛГУН

Павлушка медный лоб – приличное прозвание! –
Имел ко лжи большое дарованье;
Мне кажется, ещё он в колыбели лгал!
Когда же с барином в Париже побывал

---

¹ Братья Чернецовы – известные русские художники XIX века: Григорий Григорьевич Чернецов (1802–1865) и Никанор Григорьевич Чернецов (1804–1879). Они родились в городе Лух Костромской губернии (ныне посёлок городского типа, административный центр Лухского района Ивановской области) в семье иконописца. Переехали в Санкт-Петербург при содействии П. П. Свињина, где обучались в Академии художеств. Были в дружеских отношениях с А. С. Пушкиным. Украшением кабинета А. С. Пушкина был пейзаж кисти Никанора Чернецова «Дарьяльское ущелье» (1832).

И через Лондон с ним в Россию возвратился,
Вот тут-то лгать пустился!
Однажды... ах, его лукавый побори!..
Однажды этот лгун бездушный
Рассказывал, что в Тюльери¹
Спускали шар воздушный.
«Представьте, – говорил, – как этот шар велик!
Клянуся честью, такого не бывало!
С Адмиралтейство!..² Что? нет, мало!
А делал кто его? – Мужик,
Наш русский маркитант, коломенский мясник,
Софрон Егорович Кулик,
Жена его Матрёна
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это летом в ночь,
В день именин Наполеона.
На шаре вышиты герб, вензель и корона.
Я срисовал – хотите? – покажу...
Но после... слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шаре посадили
Пять тысяч человек стрелков
И музыку со всех полков.
Все лучшие тут виртуозы были.
Приехал Бонапарт, и заиграли марш.
Наполеон махнул рукою –
И вот Софрон Егорыч наш,
В кафтане бархатном, с предлинной бородой,
Как хватит топором –
Канат вмиг пополам; раздался ружей гром –
Шар в небе очутился
И вдруг весь газом осветился.
Народ кричит: “Diable! Vive Napoleon!

---

¹ Тюльери (Тюильри) – дворец французских королей в Париже с большим садом при нём.

² Фасад здания Адмиралтейства в Петербурге имеет в длину 400 м; высота здания со шпилем – 72 м.

Bravo, monseieur Sophron!"¹
Шар выше, выше всё – и за звездами скрылся...
А знаете ли, где спустился?
На берегу морском, в Кале!
Да, опускаясь к земле,
За сосну как-то зацепился
И на суку повис;
Но по веревкам все спустились тотчас вниз;
Шар только прорвался и больше не годился...
Каков же мужичок Кулик?»
– Повесил бы тебя на сосну за язык, –
Сказал один старик. –
Ну, Павел, исполать! Как ты людей морочишь!
Обманывал бы ты в Париже дураков,
Не земляков.
Смотри, брат, на кого наскочишь!..
Как шар-то был велик?
– Свидетелей тебе представлю, если хочешь:
В объёме будет... с полверсты.
– Ну как же прицепил его на сосну ты?
За олухов, что ль, нас считаешь?
Прямой ты медный лоб. Ни крошки нет стыда!
– Э! полно, миленькой, неужели не знаешь,
Что надобно прикрасить иногда.

15 сентября 1823

Чтобы читатели не ошиблись, Измайлов, по свидетельству современников, вложил в уста враля-Павлушки и любимую присказку Свинына: «Полно, миленькой!»

К отрицательной славе Свинына приложил руку и Пушкин. В 1830 году он подготовил несколько сатирических «портретов» современных журналистов, пародийно используя приемы детской литературы своего времени. Одним из персонажей «Книжки для детей» стал издатель «Отечественных записок».

---

¹ «Дьявол! Да здравствует Наполеон! Браво, месье Софрон!» (франц.)

МАЛЕНЬКИЙ ЛЖЕЦ

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок: он не мог сказать трёх слов, чтоб не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поварёнок-астроном, форейтор-историк и что птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случилось ему сказать и правду.

Надо отметить, что насмешка здесь не слишком злая. Это лёгкий шлепок, а не оплеуха из тех, какие Пушкин отвешивал своим главным литературным врагам. Впрочем, и этот фрагмент не был напечатан при жизни поэта, и Пушкин оставался хорошим приятелем Свиньина (своего дальнего родственника), охотно посещал его светские вечера, где бывали И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, Н. И. Греч. На одном из таких вечеров летом 1827 года присутствующие услышали две новые главы «Евгения Онегина» в исполнении автора. Пушкин был постоянным читателем журнала «Отечественные записки», неоднократно пользовался редкими историческими материалами из личного архива Свиньина, не упуская случая над тем добродушно подшучивать.

Считается, что и происшествие, положенное в основу пьесы Гоголя «Ревизор», случилось с Павлом Петровичем Свиньиным во время его поездки в Бессарабию. Пушкин услышал забавный случай и «взял на карандаш»: «Криспин приезжает в губернию NB на ярмонку – его принимают за *ambassadeur*¹. Губернатор честный дурак. – Губернаторша с ним кокетничает – Криспин сватается за дочь».

---

¹ Посол, посланец (*франц.*)

Впоследствии сюжет был передан или подарен Гоголю. Под пером великого комического писателя едва намеченный Пушкиным образ мнимого ревизора обрел замечательную полноту. При этом Хлестаков – словоохотливый и «приглуловатый», завирающийся вдохновенно и бесцельно – оказался больше похож на Свинына (точнее, на его литературный портрет), чем задуманный Пушкиным плут Криспин.

Гоголь и сам был знаком с «прототипом» Хлестакова. И должно быть, испытывал к нему неоднозначные чувства. С одной стороны, в журнале Свинына «Отечественные записки» была напечатана повесть «Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» и молодой автор с гордостью писал родным об этом, рекомендуя «Отечественные записки» как издание, которое «по важности своих статей, почитается здесь лучшим». С другой стороны, вольность Свинына в обращении с авторским текстом вскоре рассердила Гоголя и вызвала неприязненные оценки. Возможно, припомнилось ему при работе над «Ревизором» и то, как Свинын подарил ему только что вышедший из печати роман «Ягуб Скупалов, или Исправленный муж» – как собственное произведение, а роман оказался написан совсем другим лицом, хотя и земляком Свинына¹. Было это случайной ошибкой, недопониманием, небрежностью или сознательным обманом – кто знает. Но как тут не вспомнить знаменитое:

«Хлестаков. <...> Моих, впрочем, много есть сочинений: „Женитьба Фигаро“ „Роберт-Дьявол“ „Норма“. Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: „Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь“. Думаю себе: „Пожалуй, изволь, братец!“ И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса, „Фрегат“ „Надежды“ и „Московский телеграф“... всё это я написал“».

---

¹ Александр Карлович Бошняк (1787–1831) – автор сочинения «Дневные записки путешествия в разные области западной и полуденной России» и романа «Ягуб Скупалов, или Исправленный муж».

Наверное, дыма без огня не бывает. Должно быть, Свиный и в самом деле страдал хлестаковским и ноздрёвским недугом: любил прилгнуть, прибавить от себя для красного словца. «...Да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь», – утверждал гоголевский городничий.

Насколько велика его ложь? Заслуживает ли Павел Петрович Свиный имени лгуна, приклеившегося к нему двести лет назад?

Вот самое начало его первого труда «Наблюдения Русского в Америке. (Письмо к А. Ф. Лабзину)»: «Переезд наш из России в Америку был самый благополучнейший, какого ещё до сей поры не бывало. И в самом деле; перелететь сие неизмеримое пространство, разделяющее Россию от Нового Света, в 40 дней, иметь беспрестанно почти попутный ветер и прекрасную погоду, поистине надобно иметь особенное, необыкновенное счастье. Вояж наш рассказывается в Америке за чудо; ещё ни один корабль не приходил из России менее как в 55 и 60 дней. Конечно, мы донесены сюда под егидом наших Российских Пенатов».

Наверное, энтузиазм молодого путешественника вполне простителен. В 1812 году, когда Свиный делал свои наблюдения, ему шёл всего лишь двадцать пятый год.

В своей книге об Америке он, между прочим, действительно нарисовал немало точных и правдивых картин, фактически открывая русскому читателю этот далёкий тогда континент. Автор и впрямь не жалел красок, стараясь поразить читателя. Зато ведь и прочли его не одни аристократы, а и купцы, и мещане, и лавочники. Описания его были настолько живыми и яркими, что среди читателей даже нашлись желающие отправиться в Америку, попытать счастья в Новом Свете.

Да, в пору своих американских путешествий Свиный был молод. Изменился ли он с годами?

Вот фрагмент его письма к издателям газеты «Северная пчела» (1825. №95) с описанием целебных источников Кисловодска:

«...Вы получите эти строки из страны очарований, страны дивного предания о живых и мёртвых водах. Живу здесь три недели – и не могу расстаться с живописными Кавказами, не могу надивиться щедротам природы, особенно разлитым в бесчисленных, животворных источниках – различных свойствами, силой, температурой, так, что нет почти недуга, который бы не мог быть исцелён на Кавказе: самая старость стряхивает здесь свою дряхлость, и шестидесятилетние больные получают бодрость юности! Благодаря генералу Ермолову, край сей совершенно обеспечен от нападений хищников, и мы столько же безопасно разъезжаем в сих ущельях, бывших незадолго вертепом кроважных разбойников, как вы гуляете по Невскому проспекту. Можете посудить, как спасительно сие действует на больных, коим спокойствие предписывается от медиков первым условием!

В нынешний год на тёплых водах было около 250 фамилий; на кислые начали съезжаться с 15 сего месяца. Каждый день у Нарзана являются новые лица, приезжающие с тёплых вод, большей частью люди слабые, разваренные, едва передвигающие ноги; но дней пять, шесть пройдёт – и эти, едва двигавшиеся ноги танцуют экосез в Благородном собрании! Вот действие Нарзана – живой воды! Вообразите, сей богатырский колодец имеет более 3 аршин в диаметре и 5 в глубину; несмотря на то, ключ снизу бьёт с такой силой, что вода всей массой кипит как в котле над большим огнём, а игра газа производит на поверхности приятный звон; и чем жарче день, тем вода студёнее. Вкус её приятнее всех известных минеральных вод в Европе, коих большую часть я испытал на месте; погружаясь в ванну на несколько секунд, цепенеешь от холода; потом вдруг по всему составу разливается какое-то приятное щекотанье, и, выходя из неё, чувствуешь необыкновенную лёгкость и бодрость, чувствуешь душевное веселье – счастье!»

Как видим, и здесь восторги рассказчика заставляют его забыть о границах правдоподобия. Хотя рассказчик стал старше на тринадцать лет.

Но дело не только в «прибавлениях и прикрасах», в конце концов художественное описание – не документальный отчёт. Вымыслу и эмоциям тут место найдётся. Но восторженная жизнерадостность Свинына совсем не вписывается в модные литературные настроения: ни в меланхолические раздумья сентиментальной литературы, ни в бурные порывы романтизма.

Кажется, Свинын не обладал не только литературной чуткостью: идеальным чувством меры и вкуса, но и житейской ловкостью, способной уберечь человека от «ложных шагов», от поступков – вполне может быть, невинных, но вызывающих у окружающих чувство неловкости или подающихся дурному истолкованию.

Таким «ложным шагом» выглядит предпринятая Свиныным в 1818 году поездка в Грузино – имение графа Аракчеева, ненавистного всему либеральному дворянству всеильного временщика. Публикация в «Сыне Отечества» восхищенных заметок Свинына на этот раз навлекла на него обвинения куда серьезнее, чем обычные упреки в преувеличенной красочности. Н. И. Тургенев записал в дневнике 7 октября 1818 года: «А rporos de¹ подлость, нельзя не вспомнить о поездке Свинына в Грузино – съездил, да ещё написал. Вот храбрость подлости!» А Вяземский брезгливо заметил: «Свинын полоскается в грязи и пишет стихи».

Свинына заподозрили в намеренной лести царскому любимцу, в стремлении выслужиться перед Аракчеевым. Стихотворный эпиграф Свинына, предваряющий описание Грузина, у Вяземского получил пародийную перелицовку:

П. П. Свинын

Я весь объехал белый свет:
Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою,
Дивился многому умом;
Но только в Грузине одном
Был счастлив сердцем и душою,
И сожалел, что – не Поэт!

---

¹ Кстати о... (франц.)

П. А. Вяземский

Что пользы, – говорит расчетливый Свиньин, –
Мне кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры, Трои иль Афин?
Пусть дорожит Парнаса граждан
Воспоминаям благородным;
Я не поэт, а дворянин,
И лучше в Грузино пойду путём доходным:
Там, кланяясь, могу я выкланяться в чин.

Действительно ли Свиньин предпринял свою поездку в Грузино с такими низкими целями? Едва ли... В угождении и заискивании перед властью имущими обвинили ведь и Жуковского, когда тот согласился стать наставником наследника, а спустя несколько десятилетий и самого князя Вяземского, сделавшегося камергером и подрастерявшего к тому времени свой юношеский либерализм. К концу 1830-х годов и сама фигура Аракчеева стала восприниматься не так однозначно. На фоне назревающего противостояния западников и славянофилов по-новому интересны стали те, кто уже в начале века составил «русскую партию» при европейски ориентированном дворе Александра I: Аракчеев, Ростопчин, Шишков, митрополит Филарет (Дроздов).

К праславянофилам причисляют иногда и Павла Петровича Свиньина. И тому есть серьезные основания. Возмущенные «подлым» поступком писателя, современники проглядели в его очерке мысли, совсем не пустяшные. Тревогу, прикрытую вежливым отзывом облаканного гостя, можно почувствовать в этих строчках и сегодня:

«Петр I, переодев русских и приучив их вкус к редким питьям и иностранной роскоши, не переменял любви их к щедрости – похвальной, благородной без вреда себе и ближнему, пагубной, если не руководствуется она благоразумием, разорившей самые богатейшие и знатные из фамилий русских. В старину русскому барину можно было быть гостеприимну без осторожности и даже до

расточительности: милых гостей своих он потчевал медами душистыми и пенистым полпивом своего варенья; трапезу его составляли избытки его хозяйства, огородов и садов; ныне нельзя никому благопристойно позвать на обед без устриц, фазанов, апельсинов, шампанского и бургонского. А всё это чужеземное и стоит звонкой монеты! Помня обычай наших предков, мы не перестаем содержать великое число слуг, людей праздных. <...>

Между тем в прекрасно освещенной зале гремела согласная музыка. Мы слышали симфонии Моцарта, концерты Маурера, вариации Роде и узнали, что оркестр сих музыкантов состоит из собственных людей графских.

После сего прошу сказать мне, в каком другом государстве на свете помещики имеют сию роскошь, знают так полезно, приятно и разнообразно проводить жизнь и угощать других?»

Павел Петрович Свиньин, безусловно, фигура неоднозначная в литературном контексте своей эпохи. Но к условному ярлычку «Лжец», «Медный лоб», его образ свести никак нельзя.

Ещё раз обратимся к фактам его житейской и литературной биографии, изложенным беспристрастно А. А. Григоровым¹, и оценим вклад нашего незаурядного земляка в русскую культуру пушкинской эпохи:

«Павел Петрович Свиньин родился 8 (19) июня 1787 года в усадьбе Ефремово Галичского уезда в семье отставного лейтенанта флота Петра Никитича Свиньина. Матерью его была Екатерина Юрьевна, урожденная Лермонтова, родная сестра дедушки великого поэта М. Ю. Лермонтова – Петра Юрьевича Лермонтова. Имена Лермонтовых находились недалеко от Ефремова, в том же Галичском уезде. Бабушкой Павла Петровича была Анна Ивановна Лермонтова,

---

¹ Александр Александрович Григоров (1804–1989) – костромской писатель, краевед, автор книг «Вокруг Щелькова» (Ярославль, 1972), «Новые открытия советских реставраторов. Солигаличские находки» (М.: Сов. художник, 1976), «Костромичи на Амуре» (Ярославль, 1979), «Спасенная красота» (М.: Просвещение, 1986), «Из истории костромского дворянства» (Кострома, 1993).

урожденная Боборыкина, которая приходилась внучкой казненного по приказу Петра I стольника Федора Матвеевича Пушкина. Следовательно, Свињин приходился родственником М. Ю. Лермонтову и А. С. Пушкину.

Павел Петрович Свињин рано потерял мать, и отец его женился вторично, а затем, ещё раз овдовев, женился снова. От этих браков появились многочисленные единокровные братья и сёстры Павла Петровича.

Свињин получил прекрасное образование. Сначала – домашнее, а позже в Благородном пансионе при Московском университете. После обучения он поступил на службу в Министерство иностранных дел. Ему посчастливилось попасть переводчиком на суда экспедиции адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море с целью военных операций против Турции и Франции (война 1805–1807 гг.). Павел Петрович в совершенстве знал немецкий, английский и французский языки и при заходе русских судов в иноземные порты представлял (как сотрудник Министерства иностранных дел) интересы России, когда возникала необходимость в официальных переговорах. Находясь на флагманском корабле «Ярослав», Павел Петрович совершил переход из Балтики в Средиземное море, побывал в портах Англии, Португалии, на Гибралтаре, на острове Мальта, в Испании, Северной Африке, Италии, Греции. Во время экспедиции, обладая несомненным художественным талантом, он сделал немало акварельных рисунков, часть которых сохранилась. Свињин стал непосредственным свидетелем побед русского флота над более многочисленными силами турецкого флота, участвовал в сражении у входа в пролив Дарданеллы. Одной из славных страниц в истории русского флота стало морское сражение у Афона, когда эскадра Сенявина из 8 судов нанесла поражение турецкой эскадре Секир-Бей, состоящей из 20 судов. П. П. Свињин сделался как бы историком эскадры, в его личном архиве остались копии многих официальных документов, подробные описания сражений.

После возвращения в Петербург Павел Петрович получил назначение в российское посольство в США. В Америке он служил младшим дипломатическим сотрудником консульства в Бостоне. В это время он много путешествовал, изучал жизнь и существовавшие там порядки, быт населения этой мало известной тогда в России страны. В Америке П. П. Свиньин пробыл с 1810 по 1813 год.

Деятельность П. П. Свиньина на дипломатическом поприще была связана с именем известного французского генерала Жана-Виктора Моро. Моро одержал немало побед в войнах Франции в период 1793–1800 гг., но резко осудил вступление Наполеона на престол в качестве императора, был изгнан из Франции и эмигрировал в США. Именно Свиньину в начале 1813 года было поручено сопровождать Моро на корабле из Америки в Россию, куда опальный генерал выехал для того, чтобы на стороне русских войск бороться против Наполеона.

После этих событий Павел Петрович оставляет службу и целиком отдаётся своим литературным и публицистическим влечениям. В 1815 году он издаёт книгу, которую начал писать ещё на службе, – „Опыт живописных путешествий по Северной Америке“; в 1817 году – „Ежедневные записки в Лондоне“, в 1818 году выходит в свет его третья книга – „Воспоминания о флоте“. Все эти книги имели автобиографический характер и были с большим интересом восприняты современниками.

В 20-е годы Павел Петрович много путешествовал по России, результатом этих поездок стали книги: „Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей“ (в 6 томах), „Археологические путешествия по России в 1825 году“. Уже после смерти Свиньина вышла его книга „Картины России и быт её разноплеменных народов“ (СПб., 1839). Свиньиным были написаны два исторических романа (ныне забытых и слабых в литературном отношении) – „Ермак, или Покорение Сибири“ и „Шемякин суд“.

Пожалуй, одной из самых ярких сторон многогранной деятельности П. П. Свиньина явилось издание им

в 1818–1830 гг. журнала „Отечественные записки“. Впервые в России в этом журнале было уделено столь обширное место и внимание публикации материалов по истории, археологии, этнографии и географии. В „Отечественных записках“ было впервые опубликовано около 200 интересных документов XIV–XIX вв. Обширную группу материалов составили документы, связанные с деятельностью русских государственных и военных деятелей: Петра I, Г. А. Потемкина, А. В. Суворова, М. И. Кутузова; писателей и ученых: М. В. Ломоносова, В. К. Тредьяковского, Д. И. Фонвизина и др. Большое внимание Павел Петрович уделял в своем журнале истории родного костромского края. Так, только в журналах за 1820 год мы находим статьи по истории Ипатьевского монастыря, о костромском „самородке“ А. Красильникове, который поражал земляков своими изобретениями в архитектуре, механике и оптике, описание костромского Успенского собора. Все это и позволило позднее историкам со всем основанием назвать П. П. Свинына „дедушкой русских исторических журналов“ и „пионером в деле публикации документов“.

В 1830 году Свинына избрали членом Академии художеств, через несколько лет – членом Российской академии наук. Он увлеченно собирал предметы старины, памятники русской культуры. В его московской квартире был создан настоящий музей (современники называли его „русский Музеум“)»¹.

Из очерка А. А. Григорова вырисовывается личность не только обаятельная, но и значительная, масштабная по своему вкладу в дело строительства отечественной культуры, накопления её сокровищ. Личность вполне бескорыстная.

Отдельного грустного упоминания заслуживает судьба собранного Свиныным «русского Музеума». К концу 1820-х годов в коллекции П. П. Свинына было свыше 80 картин русских художников конца XVIII – начала XIX века, в том числе работы Ф. Алексеева, К. Брюллова, Ф. Бруни,

---

¹ Григоров А. А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 283–285.

А. Венецианова, Е. Волкова, М. Воробьева, О. Кипренского, А. Орловского, В. Тропинина, С. Щедрина. В коллекцию входили скульптурные работы М. Козловского, Ф. Шубина, Э. Фальконе, И. Мартоса, изделия русских мастеров из яшмы, малахита, гранита, бронзы, серебра, кости, а также камеи, миниатюры, русские медали и многое другое. Свиныну принадлежала и большая библиотека, составленная из рукописей XIV – начала XIX века и книг, относящихся преимущественно к царствованию Петра I. Над историей петровской эпохи писатель работал в 1830-е годы в своей костромской деревне, но издать её уже не успел.

В 1832 году Свинын обращается с письмом к С. С. Уварову, в то время товарищу Министра народного просвещения: «Милостивый Государь Сергей Семенович!

Домашние обстоятельства вынуждают меня расстаться с моим русским Музеумом, соби́рание коего, как Вы сами изволите знать, стоило мне толиких трудов и пожертвований. Зная патриотизм и просвещенный вкус Вашего Превосходительства, я беру смелость предложить Вам приобретение оно́го собственно для себя, или для правительства? В сем последнем отношении, мне кажется, он даже необходим для пополнения многих предметов в Румянцевском Музее, чем составитя в нём нечто целое, достойное внимания просвещенных посетителей и положится твердое основание Отечественному Музеуму. <...>

Не имею надобности, кажется, описывать столь просвещённому ценителю и любителю изящного редкость некоторых предметов, составляющих мой Музеум, доложу только Вашему Превосходительству, что мне неоднократно предлагаемо было иностранцами до 130 тысяч рублей, но я всегда желал сохранить моё собрание для отечества и готов сделать большие пожертвования для того, чтоб оно осталось в России и в целости! А потому предлагаю на собственный Ваш суд, чего стоит мой Музей, и приму все возможные кондиции для облегчения в приобретении оно́го; как то рассрочку уплаты на несколько лет и проч. и проч.».

Резолюция была такова: «Ответить, что ни для себя, ни для Министерства теперь невозможно купить его коллекцию». Через год Уваров становится министром, но интереса к коллекции Свинына по-прежнему не проявляет. В 1834 году большая часть коллекции была распродана Свиныным с аукциона, а рукописи поступили в Российскую академию наук.

Нельзя не согласиться с выводом А. А. Григорова о необоснованности насмешек и несправедливости современников Свинына, считавших, что он рассказывает о тех местах, где никогда не бывал, и выполняет рисунки тех мест, которые сам никогда не видал.

К счастью, и более верные отзывы современники все же оставили. Николай Иванович Греч писал: «Будем объективны: недостаток учёного образования, иногда поспешность, иногда добродушие, иногда даже и излишняя ревность к предмету увлекали П. П. в ошибки; но, конечно, никто не откажет ему в первенстве патриотической мысли, в том, что он сумел отыскать и сказать много прекрасного и полезного; что всегда он был готов усердно помогать каждому юному дарованию и всему, в чём видел добро и пользу; что многие были обязаны ему многим...»

Сочинения П. П. Свинына

Картины России и быт её разноплеменных народов. – СПб., 1839.

Шемякин суд. Ермак, или Покорение Сибири. – М., 1994.

Американские дневники и письма. – М., 2005.

Литература о творчестве П. П. Свинына

Бочков В. Н. Хлестаков и его прототип / В. Н. Бочков // «Скажи, которая Татьяна?» Образы и прототипы в русской литературе. – М., 1990.

Григорьев А. А. Павел Петрович Свинын / А. А. Григорьев // Григорьев А. А. Из истории костромского дворянства / А. А. Григорьев. – Кострома, 1993.

Рейтблат А. И. Павел Петрович Свиньин / А. И. Рейтблат // Русские писатели, 1800–1917: биограф. сл. – Т. 5. – М., 2007.

Рекомендации по работе с материалом учебного пособия

1. Выпишите в рабочую тетрадь наиболее важные факты биографии П. П. Свиньина, названия его основных трудов.

2. Ответьте на вопросы:

Как вы оцениваете деятельность П. П. Свиньина как литератора, просветителя, коллекционера?

Чем, на ваш взгляд, обусловлено ироничное отношение к Свиньину в литературных кругах пушкинского времени?

Задания для самостоятельной работы

1. Подготовьте по вариантам сообщения на темы: «Свиньин и Пушкин», «Свиньин и Гоголь», «Свиньин – издатель журнала „Отечественные записки“», опираясь на материал учебного пособия и дополнительные источники.

2. Подготовьте доклад и презентацию по теме: «Америка и американцы в изображении П. П. Свиньина».

3. Прочитайте очерк «Ипатьевский монастырь» из книги П. П. Свиньина «Картины России и быт её разноплемённых народов». Покажите, как в этом очерке проявляются гражданская позиция автора, его кругозор и своеобразие литературного стиля.

4. Прочитайте фрагмент очерка П. П. Свиньина о Костроме из той же книги. Какие особенности родного города восхищают писателя? Что вызывает его тревогу?

«Если Кострома должна уступить Ярославлю, а может быть и некоторым другим приволжским городам в общем смысле правильности и красоты строения, то, конечно, ни один из них не имеет столь обширной, великолепной площади, какова Сусанинская. Вступая на неё с пристани по едва заметной отлогости, открываешь в переднем плане несколько

огромных зданий, в том числе прекрасный дом г-на Борцова, служивший для приёма высочайших посетителей. Здания сии образуют дугу, с одной стороны ограничивающуюся боковым фасом огромного дома присутственных мест, с другой – красивым портиком каланчи. Между ними в виде лучей пробиваются пять широких прямых поперечных улиц. С сожалением должно заметить, что огромные здания, занимавшие по этим улицам целые кварталы с их фабриками, кладовыми, садами и оранжереями, выстроенные некогда именитым костромским купечеством, приходят час от часу более в разрушение и запустение. Наконец, длинные фасады площади представляют ещё два продолговатые четвероугольника, заключающие гостинный двор с 300-ми лавок. С передней стороны, обращённой к Волге, начинаются две длинные улицы, из коих одна, Мишанская, продолжается в прямом направлении, как стрела, до Костромы-реки, а другая, обойдя собор и извиваясь по всем направлениям неправильности горного берега, оканчивается у Татарской слободы, что составит в прямой линии около четырёх с половиной вёрст, между тем как дуга, соединяющая их оконечности и составляющая окружность города с нагорной стороны, более десяти вёрст.

Изобилие садов, выказывающихся между домами, пе-стреющих на ровностях, открывает много отдельных картин, достойных кисти искусного художника. Но если кто хочет видеть один из прелестнейших ландшафтов, видеть величественную Волгу во всей красоте и деятельности, то пусть переедет на противоположный берег, в Селище, и оттуда полюбуется на город в тихий летний вечер, когда закатывающееся солнце подёрнет золотом красные, белые, зелёные верхи зданий и садов, и в глубине прозрачных вод выстроится другой волшебный город, совершенное подобие первого, но ещё милевиднее, ещё живее от движения перебегающих струй. К довершению наслаждения слух нежится вместе со зрением, тысячи звуков долетают с барок, украшенных и подвигающихся плавно, как гордые лебеди, по течению быстрой реки. На одной раздаётся стройная круговая песня, с другой доносится заунывное пение рулевого

или трели рожка кручинного доброго молодца, тоскующего об оставленной им далеко подруге, а по зеркалу бездонной Волги, кажется, движется другой подобный флот...

Несмотря на упадок некоторых богатейших купеческих домов, двигавших ещё недавно миллионами, бывших украшением своего полезного сословия, выгодное положения города для производства мелочной промышленности придаёт еще много жизни и способов городу, особенно с открытием судоходства, когда купечество, богатое и бедное, спешит отправляться в низовые города за хлебом, купленным заблаговременно, и один перед другим торопится скорее доставить его в Рыбинск, Москву или С.-Петербург. Костромское купечество производит также немалую торговлю холстом, салом, льняным маслом и кожами. Холст закупается по сёлам, деревенским базарам и на ярмарках, бывающих в самой Костроме в десятую пятницу, которые преимущественно славятся торгом лошадей. Кожевенные заводы и доселе поддерживают древнюю славу свою достоинством изделий. Рыболовство занимает также немало рук и капиталов.

В Костроме считается не более 12 000 обоего пола жителей; домов 2 377, в том числе 243 каменных; церквей, кроме двух монастырей, 35.

Кострома уже во 2-й половине XIII века производила сильную торговлю с Новгородом и до позднейших времён считалась одним из самых ремесленных, промышленных городов в государстве; ныне остаются 4 полотняные фабрики и 7 кожевенных, 6 свечных (в том числе 2 восковых), 2 табачных и 1 колокольный завод. Уменьшение фабрик немало должно приписать недостатку работников. Привычка жителей Костромской губернии искать в столицах промыслов и ремесленности, отчего во многих деревнях Чухломского, Галичского, Нерехотского и Солигалицкаго уездов остаются на лето одни старики, дети и женщины, – преобладает и над жителями губернского города. Петербург наполнен отличными ремесленниками из Костромы во всех родах искусств: оттого не ищите здесь отличного по части художественной; отсутствие

богатейших, образованнейших помещиков, проживающих в столицах из видов службы или для удовольствия жизни, составляет также чувствовать в городе недостаток общественного духа, народного мнения и самостоятельности, а в сёлах, управляемых наёмниками, не заметно того совершенства в сельском хозяйстве, которое давно разлилось по соседственным губерниям».

5. Прочитайте очерк о Костроме целиком. Как проявилось в нём увлечение П. П. Свиньина народными талантами? Расскажите подробнее о тех замечательных костромичах, которые упоминаются в очерке.

6. Познакомьтесь с очерком П. П. Свиньина «Галич». Составьте план очерка. Охарактеризуйте средства художественной выразительности, которые использует автор.

Темы докладов, рефератов, исследовательских работ

1. Крестьянские поэты, покровительствуемые П. П. Свиньиним: Ф. Н. Слепушкин, И. С. Сибиряков, Е. И. Алипанов.

2. «Русский Музеум» П. П. Свиньина.

3. Американская тема в русской словесности первой трети XIX века (на материале книги П. П. Свиньина «Опыт живописных путешествий по Северной Америке», статьи А. С. Пушкина «Джон Теннер» и других источников).

4. Жанровое своеобразие книги П. П. Свиньина «Картины России и быт её разноплеменных народов»: между сентиментальным путешествием и этнографическим очерком.

Задания для организации проектной деятельности

Проведите исследование и выясните, что сделано для сохранения памяти о личности и трудах П. П. Свиньина в Костромской области. Проведите опрос среди разных групп населения, чтобы выяснить, известно ли имя Свиньина жителям Костромского края. Предложите меры для популяризации наследия Свиньина.

Пётр Андреевич ВЯЗЕМСКИЙ

(1792–1878)

Пётр Андреевич Вяземский родился 12 (23) июля 1792 года в Москве в семействе потомственных удельных князей, в кругу старинной дворянской знати. Хотя к началу XIX века она изрядно оскудела, но всё ещё сохраняла горделивый дух и с презрением относилась к неродовитой публике, окружавшей царский трон. В 1805 году Вяземский поступил в петербургский Иезуитский пансион, потом перешёл в пансион при Педагогическом институте, но вскоре по настоянию отца, озабоченного вольным поведением сына, вернулся в Москву, где пополнял своё образование частными уроками у профессоров Московского университета.

В 1807 году отец умер, оставив пятнадцатилетнему отроку богатое состояние. Началась рассеянная жизнь, пирушки, карты, пока Н. М. Карамзин, женатый на сестре Вяземского Екатерине Андреевне, не взял его под свою опеку.

В грозные дни 1812 года Вяземский вступил в московское ополчение, участвовал в Бородинском сражении, где под ним одна лошадь была убита, а другая ранена.

Был Бородинский день, день жаркий, боевой,
Французское ядро визжало надо мной,
И если мирного поэта пожалело,
Зато хоть двух коней оно под ним заело.

За спасение раненого генерала А. Н. Бахметева Вяземский был награжден орденом Святого Владимира IV степени.

После смерти отца среди завещанных сыну имений досталось Вяземскому село Красное-на-Волге с прилегающими к нему деревнями. Это была довольно крупная по тем

временам дворянская вотчина, насчитывающая 907 душ крепостных крестьян. Сюда, на берег Волги, Вяземский приезжал не раз. Впервые своё костромское имение он посетил в 1816 году. Результатом этой поездки стало стихотворение «Вечер на Волге».

ВЕЧЕР НА ВОЛГЕ

Дыханье вечера долину освежило,
Благоухает древ трепещущая сень,
И яркое светило,
Спустившись в недра вод, уже переступило
Пылающих небес последнюю ступень.
Повсюду разлилось священное молчанье;
Почило на волнах
Игривых ветров трепетанье,
И скатерть синих вод сровнялась в берегах.
Чья кисть, соперница природы,
О Волга, рек краса, тебя изобразит?
Кто в облачной дали конец тебе прозрит?
С лазурной высотой твои сровнялись воды,
И поражённый взор, оцепенев, стоит
Над влажною равниной;
Иль, увлекаемый окрестною картиной,
Он бродит по твоим красивым берегам:
Здесь тёмный ряд лесов под ризою туманов,
Грядя воздушная синеющих курганов,
Вдали громада сёл, лежащих по горам,
Луга, платящие дань злачную стадам,
Поля, одетые волнующимся златом, –
И взор теряется с прибережных вершин
В разнообразии богатом
Очаровательных картин.
Но вдруг перед собой зрю новое явленье:
Плывущим островам подобясь, вдали
Огромные суда в медлительном паренье
Несут по лону вод сокровища земли;
Их крылья смелые по воздуху белеют,
Их мачты, как в водах бродящий лес, темнеют.

Люблю в вечерний час, очарованья полн,
Прислушивать, о Волга величава!
Глас поэтический твоих священных волн;
В них отзывается России древней слава.
Или, покинув брег, люблю гнать резвый чёлн
По ропотным твоим зыбям, – и, сердцем весел,
Под шумом дружных вёсел,
Забывшись, наяву один дремать в мечтах.
Поэзии сынам твои знакомы воды!
И музы на твоих прохладных берегах,
В шумящих тростниках,
В час утренней свободы,
С цевницами в руках
Водили хороводы
Со стайей нимф младых;
И отзыв гор крутых,
И вековые своды
Встревоженных дубрав
Их песнями звучали
И звонкий глас забав
Окрест передавали.

Державин, Нестор муз, и мудрый Карамзин,
И Дмитриев, харит счастливый обожатель,
Величья твоего певец-повествователь,
Тобой воспоены средь отческих долин.
Младое пенье их твой берег оглашало,
И слава их чиста, как вод твоих зеркало,
Когда глядится в них лазурный свод небес,
Безмолвной тишиной окован ближний лес
И резвый ветерок не шевелит струёю.
Их гений мужествен, как гений вод твоих,
Когда гроза во тьме клубится над тобою,
И пеною кипят громады волн седых;
Противник наглых бурь, он злобе их упорной
Смеётся, опершись на брег, ему покорный;
Обширен их полёт, как бег обширен твой;
Как ты, сверша свой путь, назначенный судьбой,
В пучину Каспия мчишь воды обновленны,

Так славные их дни, согражданам священны,
Сольются, круг сверша, с бессмертием в веках!
Но мне ли помышлять, но мне ли петь о славе?
Мой жребий: бег ручья в безвестных берегах,
Виющийся в дубраве!
Счастлив он, если мог цветы струёй омыть,
И ропотом приятным
Младых любовников шаги остановить,
И сердце их склонить к мечтаньям благодатным.
1816

Впоследствии Вяземский нередко приезжал в свое костромское поместье, жил в Костроме, хорошо знал здешний круг дворянства. Частым гостем был Вяземский в доме Юрия Никитича Бартенева, директора училищ Костромской губернии, любителя философии и литературы, покровителя молодых дарований. Поэт отзывался о нём, как о «мистике, философе, романтике», «умном, образованном» человеке.

В Красном произошёл однажды с поэтом забавный случай. «В воскресенье после обедни священник сельского храма о. Матвей решил почтить князя приветственной речью. Он с большим жаром восхвалял гражданские и помещичьи добродетели Вяземского и завершил речь, торжественно указывая на него:

– Вы не знаете ещё, какого барина вам Бог дал; так найдите же, православные братья: он русский Гораций, русский Катулл, русский Марциал!

При каждом из этих имен народ отвечивал Вяземскому низкий поклон и чуть ли не сотворял крестное знамение. Бедный князь, произведённый в тройные классики, не знал, куда деваться»¹.

Литературное наследие Вяземского отличается необыкновенной широтой и энциклопедизмом. Это и политик, и мыслитель, и журналист, и критик-полемист, и автор ценнейших «Записных книжек», и мемуарист, выступивший

---

¹ Бондаренко В. Вяземский. М., 2014. С. 111. (ЖЗЛ).

с описанием жизни и быта «допожарной» Москвы, а также, в первую очередь, поэт и переводчик. В отличие от своих друзей, он ощущал себя наследником века Просвещения, с детства приобщившимся к трудам французских вольнодумцев в богатой библиотеке отца.

Но своё творчество он начинает сторонником Карамзина. В его подмосковное имение Остафьево собирались русские литераторы и поэты, называвшие себя «дружеской артелью» – Денис Давыдов, Александр Тургенев, Василий Жуковский, Константин Батюшков, Василий Пушкин, Дмитрий Блудов – все будущие участники литературного кружка «Арзамас». Вяземский ориентировался тогда на «лёгкую поэзию», которой увлекались молодые романтики в лице Батюшкова и Жуковского. Ведущим жанром было у них литературное послание, которому молодой Вяземский отдал щедрую дань – «Послание к Жуковскому в деревню», «Моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину», «К друзьям», «К подруге», «Послание Тургеневу с пирогом». К ним примыкают «Прощание с халатом», «Устав столовой» и др. Эти стихи, свободные от всякой официальности и парадности, культивируют независимость, простоту, изящное «безделье»:

Гостеприимство – без чинов,
Разнообразность – в разговорах,
В рассказах – бережливость слов,
Холоднокровье – в жарких спорах,
Без умничанья – простота,
Весёлость – дух свободы трезвой,
Без едкой желчи – острота,
Без шутовства – соль шутки резвой.

Особенностью дружеских посланий Вяземского является парадоксальное сочетание поэтической условности с реалиями конкретной, бытовой обстановки. В послания проникают обиходные слова, шутки, сатирические зарисовки. Отрабатывается повествовательная манера, близкая к неприятзательному дружескому разговору,

который найдёт потом воплощение в романе Пушкина «Евгений Онегин».

В 1813–1817 годах Вяземский активно выступает в самых разных жанрах – от эпиграммы и дружеского послания до басни и сатирических куплетов. Впоследствии он с удовольствием вспоминал свои молодые забавы:

Когда я молод был, и кровь кипела в жилах,
Я тот же кипяток любил искать в чернилах.
Журнальных схваток пыл, тревог журнальных шум,
Как хмелем, подстрекал заносчивый мой ум.
В журнальный цирк не раз, задорный литератор,
На драку выходил, как древний гладиатор.

Известный мемуарист, собрат Вяземского по «Арзамасу» Филипп Филиппович Вигель, вспоминая о литературной жизни начала 1810-х годов, писал: «В это же время в Москве явилось маленькое чудо. Несовершеннолетний мальчик Вяземский вдруг выступил вперёд и защитником Карамзина от неприятелей, и грозю пачкунов, которые, прикрываясь именем и знаменем его, бесславили их. Карамзин никогда не любил сатир, эпиграмм и вообще литературных ссор, а никак не мог в воспитаннике своём обуздать бранного духа, любовь же к нему возбуждаемого. А впрочем, что за беда? Дитя молодое, пусть ещё тешится; а дитя куда тяжёл был на руку! Как Иван-царевич, бывало, князь Пётр Андреевич кого за руку – рука прочь, кого за голову – голова прочь».

На поэму А. Н. Грузинцева «Спасённая и победоносная Россия...» Вяземский откликается, например, такой эпиграммой:

Отечество спаслось Кутузова мечом
От мстительной вражды новейшего Батя,
Но от твоих стихов, враждующих с умом,
Ах! не спаслась Россия!

На основателя «Беседы любителей русского слова», президента Российской академии адмирала А. С. Шишкова,

решительного противника Карамзина, Вяземский обрушился так:

Кто вождь у нас невеждам и педантам?
Кто весь иссох из зависти к талантам?
Кто гнусный лжец и записной зоил?
Кто, если мог вредить бы, вреден был?
Кто, не учась, других охотно учит,
Врагов смешит, а приближённых мучит?
Кто лексикон покрытых пылью слов?
Все в один раз ответствуют: Шишков!

С середины 1810-х годов в творчестве Вяземского совершаются заметные перемены. В феврале 1818 года он определяется на государственную службу в Варшаву чиновником для иностранной переписки при императорском комиссаре Н. Н. Новосильцеве. Он знает, что по заданию государя его непосредственный начальник работает над проектом русской конституции. Свое вступление в ответственную должность Вяземский сопровождает большим стихотворением «Петербург» (1818), в котором, возрождая традицию русской оды, пытается воздействовать на благие начинания государя. Подобно Ломоносову, обращавшемуся к Елизавете, он, в качестве образца для подражания, напоминает Александру о великих деяниях Петра:

Се *Пётр* ещё живой в меди красноречивой!
Под ним полтавский конь, предтеча горделивый
Штыков сверкающих и веющих знамён.

Образ Медного всадника, созданный здесь Вяземским, отзовется потом в одноимённой поэме Пушкина. Намекая на освободительную миссию Александра в Европе, Вяземский даёт в финале царю свой совет и урок:

Пётр создал подданных, ты образуй граждан!
Пускай уставов дар и оных страж – свобода,
Обетованный брег великого народа,
Всех чистых доблестей распустит семена.

Вяземскому казалось, что его мечты о конституционной монархии в России, совпадающие с надеждами Северного общества декабристов, вскоре станут реальностью. Но хорошо изучивший характер Александра Адам Чарторыйский в своих «Мемуарах» писал: «Императору нравились внешние формы свободы, как нравятся красивые зрелища; ему нравилось, что его правительство внешне походило на правительство свободное, и он хвастался этим. Но ему нужны были только наружный вид и форма, воплощения же их в действительности он не допускал. Одним словом, он охотно согласился бы дать свободу всему миру, но при условии, что все добровольно будут подчиняться исключительно его воле».

При радушной встрече с Александром Вяземский передал ему записку, в которой молодые вольнолюбцы побуждали царя приступить к освобождению крестьян от крепостной зависимости. Очарованный государем, Вяземский ждал благосклонного отклика. Но в 1821 году, во время летнего отпуска, он получил письмо от Новосильцева, в котором тот сообщал молодому мечтателю, что император запретил ему возвращаться в Варшаву. С этой неожиданной и оскорбительной отставкой все либеральные надежды рухнули в одночасье. Изгнание так уязвило Вяземского, что он демонстративно подал прошение о выключении его из звания камер-юнкера двора, носимого с 1811 года.

Итогом этих событий явилось знаменитое стихотворение Вяземского «Негодование». Безымянный доносчик писал Бенкендорфу уже после восстания 14 декабря: «Образ мыслей Вяземского может быть достойно оценён по одной его стихотворной пьесе „Негодование“, служившей катехизисом заговорщиков».

Он загорится, день, день торжества и казни,
День радостных надежд, день горестной боязни!
Раздастся песнь побед вам, истины жрецы,
Вам, други чести и свободы!
Вам плач надгробный! вам, отступники природы!
Вам, притеснители! вам, низкие льстецы!

Как это ни странно может показаться на первый взгляд, но Вяземский не был членом тайного общества. В «Исповеди», написанной в 1829 году, он так объяснял свою непричастность к декабристским организациям: «Всякая принадлежность тайному обществу есть уже порабощение личной воли своей тайной воле вожаков. Хорошо приготовление к свободе, которое начинается закабалением себя!»

Что же касается недругов своих, вызвавших прилив негодования, то Вяземский как-то под горячую руку по их поводу сказал: «Одна моя надежда, одно моё утешение в уверенности, что и они увидят на том свете, как они в здешнем были глупы, бестолковы, вредны, как они справедливо и строго были оценены общим мнением, как они не возбуждали никакого благородного сочувствия в народе, который с твердостью, с самоотвержением сносил их как временное зло, ниспосланное Провидением в неисповедимой Своей воле. Надеяться, что они когда-нибудь образумятся и здесь, безрассудно, да и не должно. Одна гроза могла бы их образумить. Гром не грянет, русский человек не перекрестится. И в политическом отношении должны мы верить бессмертию души и Второму пришествию для суда живых и мертвых. Иначе политическое отчаяние овладело бы душою».

Стихотворение «Негодование» представляет собою сложный сплав традиций высокой оды с элегическими мотивами, особенно ярко звучащими во вступлении. Вяземский не удовлетворён теперь поэтическим направлением Карамзина и Жуковского. Последнему он решительно советует обратиться к гражданской теме: «Полно тебе нежиться в облаках, опустишь на землю, и пусть, по крайней мере, ужасы, на ней свирепствующие, разбудят энергию души твоей. Посвяти пламень свой правде и брось служение идолам. Благородное негодование – вот современное вдохновение».

В оде «Уныние» Вяземский изображает не столько само психологическое состояние уныния, сколько размышляет над причинами и фактами реальной жизни, его порождающими. Элегический мир не осуществившихся надежд и мечтаний сочетается в стихотворении с гражданским

негодованием, выраженным в декламационно-ораторском, архаическом стиле:

Уныние! вернейший друг души!
С которым я делю печаль и радость,
Ты лёгким сумраком мою одело младость,
И расцвела весна моя в тиши.
Я счастье знал, но молнией мгновенной
Оно означило туманный небосклон,
Его лишь взвидел взор, блистаньем ослепленный,
Я не жалел о нём: не к счастью я рождён.
В душе моей раздался голос славы:
Откликнулась душа волненьям на призыв;
Но, силы испытав, я дум смирил порыв,
И замерли в душе надежды величавы.

Голос поэта здесь резко индивидуализируется, политические размышления и эмоции приобретают глубоко личную интонацию. Историзм проникает в изображение современного человека, лирического героя.

При этом Вяземский пытается разрешить в своих стихах популярную у романтиков проблему народности. Поэт настаивает на том, что у каждого народа свой строй, своя манера мышления, что русский мыслит и чувствует мир иначе, чем немец или француз.

«Я себя называю природным русским поэтом потому, что копаюсь всё на своей земле. Более или менее ругаю, хвалю, описываю русское: русскую зиму, чухонский Петербург, петербургское Рождество и пр. и пр.; вот что я пою. В большей части поэтов наших, кроме торжественных од, и то потому, что нельзя же врагов хвалить, ничего нет своего. Возьми Дмитриева – только в лирике слышно русское наречие и русские имена; всё прочее – всех цветов и всех голосов, и потому всё без цвета и всё без голоса. <...> Вот, моя милуша, отчего я пойду в потомство с российским гербом на лбу, как вы, мои современники, ни французьте меня. Орловский¹ –

¹ Александр Осипович Орловский (1777–1832) – русский живописец-баталист и жанрист.

фламандской школы, но кто русее его в содержаниях картин?» (Из письма А. И. Тургеневу, 1819.)

Важным шагом на пути творческого воплощения этих мыслей явилась элегия Вяземского «Первый снег» (1819), из которой Пушкин взял эпиграф к первой главе «Евгения Онегина» – «И жить торопится, и чувствовать спешит».

Романтики считали, что своеобразие национального характера зависит от климата, от национальной истории, от обычаев, верований, языка. И вот Вяземский в своей элегии сливает лирическое чувство с конкретными деталями русского быта и русского пейзажа. Суровая зимняя красота отражается в характере русского человека, нравственно чистого, мужественного, презирающего опасности, терпеливо переносящего удары судьбы:

Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щёк твоих свежей алеют розы.

Вяземский даёт картину русского санного пути, очаровавшую Пушкина и подхваченную им при описании зимнего пути Евгения Онегина:

Как вьюга лёгкая, их окрилённый бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылью окидывает их.

Эта тема растёт и развивается в поэзии Вяземского и далее в стихах «Зимние карикатуры. (Отрывки из журнала зимней поездки в степных губерниях)» (1828); «Дорожная дума» (1830); «Ещё тройка» (1834); «Ещё дорожная дума» (1841); «Русские просёлки» (1841); «Масленица на чужой стороне» (1853).

РУССКИЕ ПРОСЁЛКИ

Скажите, знаете ль, честные господа,
Что значит русскими просёлками езда?
Вам сплошь Европа вся из края в край знакома:
В Париже, в Лондоне и в Вене вы как дома.

Докатитесь туда по гладкому шоссе,
 И думаете вы, что так и ездят все.
 <...>
 Нет, вызвал бы я вас на русские просёлки,
 Чтоб о людском житье прочистить ваши толки.
 Тут мир бы вы другой увидели! Что шаг,
 То яма, косогор, болото иль овраг.
 Я твёрдо убеждён, что со времён потопа
 Не прикасалась к ним лопата землекопа.
 Как почву вывернул, размыл и растрепал
 С небес сорвавшийся сей водяной обвал,
 Так и теперь она вся в том же беспорядке,
 Вся исковеркана, как в судорожной схватке.
 Дорога лесом ли? Такие кочки, пни,
 Что крепче свой язык к гортани ты прильпни –
 Не то такой толчок поддаст тебе, что ой-ли!
 И свой язык насквозь прокусишь ты. Рекой ли
 Дорога? Мост на ней уж подлинно живой:
 Так брёвна взапуски и пляшут под тобой,
 И ты того и жди, что из-за пляски этой
 К русалкам попадешь с багажем и каретой.
 Есть перевоз ли? Плот такое уж гнильё,
 Что только бабам мыть на нём своё бельё.
 Кому на казнь даны чувствительные нервы
 (Недуг новейших дней), тому совет мой первый:
 Просёлком на Руси не ездить никогда.
 Просёлки – ад земной; но русский бог велик!
 Велик – уж нечего сказать – и наш ямщик.
Сентябрь 1841

В поисках национальной характерности Вяземский не всегда достигает глубины. Порой он довольствуется внешними признаками национального быта, рисуя их ярко, почти лубочно. Но и в лубке есть своя правда, и в залихватских строчках «Масленицы на чужой стороне» слышится предчувствие песенных, частушечных интонаций Твардовского:

Выпьет чарку-чародейку
Забубённый наш земляк:
Жизнь копейка! – смерть-злодейку
Он считает за пустяк.

Немец к мудрецам причислен,
Немец – дока для всего,
Немец так глубокомыслен,
Что провалишься в него.

Но, по нашему покую,
Если немца взять врасплох,
А особенно зимою,
Немец – воля ваша! – плох.

Но национальность, народность «в содержании картин», конечно, народность поверхностная, мелковатая. Вяземский сам чувствует это. Но его влечет возможность иной истории, чем «История государства Российского» Карамзина – истории в анекдотах и заметках, истории в случаях и портретных зарисовках. И для такой «домашней», истории память и наблюдательность его работают неутомимо.

«Мне часто приходило на ум написать свою „Россиаду“, не героическую (Боже упаси!), а Россиаду домашнюю, обиходную, – сборник, энциклопедический словарь всех возможных русицизмов, не только словесных, но и умственных и нравных, т. е. относящихся к нравам, одним словом, собирать, по возможности, всё, что удобно производит исключительно русская почва, – как была она подготовлена и разработана временем, историею, обычаями, поверьями и нравами исключительно русскими.

В этот сборник вошли бы все поговорки, пословицы, туземные черты, анекдоты, изречения, опять-таки исключительно русские, не поддельные, не заимствованные, не благоили злоприобретенные, а родовые, почвенные и невозможные ни на какой другой почве, кроме нашей. Тут так бы Русью и пахло – хотя до угара и до ошибка, хотя до выноса всех свя-тых! Много нашлось бы материалов для подобной кормчей

книги, для подобного зеркала, в котором отразились бы русский склад, русская жизнь до хряща, до подноготной...»

Таким собранием, заготовкой обиходной истории своего поколения стали записные книжки Вяземского и его письма, а также несколько статей, посвященных допожарной Москве и литературному быту первой трети XIX века. Лишь в зрелом возрасте, в своих поздних стихах Вяземский сумеет соединить национальную «характерность» с личным духовным опытом и достигнет глубокого понимания русской души, её не внешних признаков, а коренных первооснов.

Люблю я наш обычай православный;
В нём тайный смысл и в нём намек есть явный;
Недаром он в почтенье у отцов,
Поднесь храним у нас в среде семейной:
Когда кто в путь отправиться готов,
Присядет он в тиши благоговейной,
Сосредоточится в себе самом
И, оградясь напутственным крестом,
Предаст себя и милых ближних Богу,
А там бодрей пускается в дорогу.
Не все ль мы странники? Не всем ли нам
В путь роковой идти всё тем же следом?
Сегодня? Завтра? День тот нам неведом,
Но свыше он рассчитан по часам.
Как ни засиживаться старожилу,
Как на земле он долго ни гости,
Нечаянно пробьёт поход в могилу,
И редко кто готов в тот путь идти.
Волнуемым житейскою тревогой,
Нам, отсталым от братьев, прежде нас
Отшедших в путь, – и нам уж близок час.
Не лучше ль каждому пред той дорогой
Собраться с духом, молча, одному
Сойти спокойно в внутреннюю келью
И дать остыть житейскому похмелью
И отрезвиться страстному уму.

Осень 1855

На прощанье (Фрагмент)

Сочинения П. А. Вяземского

Полное собрание сочинений: в 12 т. – СПб., 1878–1896.
Стихотворения. – Л., 1958. – (Большая серия Б-ки поэта).
Сочинения: в 2 т. – М., 1982.

Литература о творчестве П. А. Вяземского

Бондаренко В. В. Вяземский / В. В. Бондаренко. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2014. – (ЖЗЛ).

Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество / М. И. Гиллельсон. – Л., 1969.

Кутанов Н. (С. Н. Дурылин). Декабрист без декабря / Н. Кутанов (С. Н. Дурылин) // Декабристы и их время. – Т. 2. – М., 1932.

Фридлендер Г. М. Поэтический диалог Пушкина с Вяземским / Г. М. Фридлендер // Пушкин: Исследования и материалы. – Т. 11. – Л., 1983.

Рекомендации по работе с материалом учебного пособия

1. Используя материал учебного пособия, охарактеризуйте литературное творчество П. А. Вяземского.

2. Выполните комплексный филологический анализ элегии «Первый снег», опираясь на оценку этого стихотворения, предложенную в статье пособия.

3. Познакомьтесь с изданиями о жизни и творчестве Вяземского, включенными в список рекомендуемой литературы, дополните его двумя-тремя источниками (можно использовать электронные ресурсы), составьте аннотации к работам в вашем списке.

Задания для самостоятельной работы

1. Подготовьте доклады по темам: «Вяземский и Пушкин», «Вяземский и его костромские знакомые», «Позиция Вяземского в литературной полемике 20–30-х годов XIX века».

2. Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Вечер на Волге». К какому литературному направлению его можно отнести? Почему?

3. Проанализируйте стихотворение Вяземского «Масленица на чужой стороне». Создайте презентацию, подберите иллюстративный и музыкальный ряд к строфам этого стихотворения.

Темы докладов, рефератов, исследовательских работ

1. «Домашняя» история России в «Записных книжках» П. А. Вяземского.

2. Философские мотивы в поздней лирике П. А. Вяземского.

3. Снег как символ национальной стихии в лирике П. А. Вяземского.

Задания для организации проектной деятельности

Создайте сценарий, подготовьте в творческой группе и проведите литературно-музыкальный вечер (гостиную, салон) «Вяземский в Костроме».

Анна Ивановна
ГОТОВЦЕВА
(1808–1871)

Имя костромской поэтессы Анны Ивановны Готовцевой (в замужестве Корниловой) прочно вошло в историю русской литературы, хотя её рукописное наследие насчитывает только 37 оригинальных стихотворений. Факт этот уникален, ибо из «Словаря русских писательниц» князя М. А. Голицына мы узнаём, что уже в XVIII веке в России насчитывалось более 60 поэтесс, многие из которых написали и опубликовали гораздо больше, чем Готовцева, но в историю отечественной литературы не вошли. Более того, в 1827 году в альманахе «Северные цветы» в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» А. С. Пушкин вообще отказал женщинам в праве на глубокое литературное дарование: «Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по их слуху, не достигая души; они бесчувственны к её гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия».

Тогда же в «Московском вестнике» за октябрь 1827 года Пушкин опубликовал отрывок из четвёртой главы «Евгения Онегина» под названием «Женщины», в котором писал:

Закабалась неосторожно,
Мы их любви в награду ждём,
Любовь в безумии зовём,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких, и страстей!

Но вскоре после этих пушкинских публикаций произошли любопытные события. Летом 1828 года друг Пушкина П. А. Вяземский отправился в Костромскую губернию, в родовое имение Красное-на-Волге. В Костроме он встретился с давним своим знакомцем Юрием Никитичем Бартеневым. Зашла речь о последних публикациях Пушкина, и Бартенев заметил, что Пушкин в своих резких суждениях о женских талантах не прав, что в Костроме есть девушка, глубоко и серьёзно чувствующая литературу. Он показал Вяземскому её поэтические опыты, среди которых было послание «А. С. Пушкину» с тайным упрёком в несправедливости его мыслей о женщинах и женской поэзии:

О Пушкин, слава наших дней,
Поэт, любимый небесами!
Ты век наш на заре своей
Украсил дивными цветами:
Кто выразит тебя сильней
Природы блеск и чувства сладость,
Восторг любви и сердца радость,
Тоску души и пыл страстей?
Кто не дивится вдохновеньям,
Игривой юности мечтам,
Свободных мыслей выраженьям,
Которые ты предал нам?
В неподражаемой картине
Ты нам Кавказ изобразил,
И деву гор, и плен в чужбине,
Черкесов жизнь в родной долине
Волшебной кистью оживил.
Дворец и сад Бахчисарая,
Фонтан любви, грузинки мечь
Из края в край, не умолкая,
Гласят поэту славы весть.
Одно... Но где же совершенство?
В луне и солнце пятна есть!
Несправедлив твой приговор, –
Но порицать тебя не смеем:

Мы гению простить умеем –
Молчанье выразит укор.

Тонкий критик, умеющий ценить литературные дарования, Вяземский заинтересовался стихами Готовцевой и попросил Бартенева познакомить его с одарённой костромичкой. Знакомство не только подтвердило первоначальное впечатление, но и вдохновило Вяземского на «Стансы» (с подзаголовком «Анне Ивановне Готовцевой»), где прозвучали полемические по отношению к заметкам Пушкина стихи:

Благоуханием души
И прелестью подобно розе,
И без поэзии, и в прозе,
Вы достоверно хороши.
Но мало было вам тревожить
В нас вдохновительные сны:
Вы захотели их умножить
Дарами счастливой весны.
Вы захотели примирить
Существенность с воображеньем;
За вдохновенье вдохновеньем,
За песни песнями платить.
Даётся редкому поэту
Быть поэтическим лицом:
В гостиной смотрит сентябрём,
Кто чародей по кабинету.
Но в вас, любимице наук,
С плодом цвет свежий неразлучен:
С улыбкой вашею созвучен
И стих ваш, сердца чистый звук.

Уезжая в Петербург осенью 1828 года, Вяземский берёт с собой стихи Готовцевой, а 25 сентября отправляет их Пушкину письмом с просьбой: «Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ, не посрами своего сводника».

Послание Готовцевой смутило Пушкина: серьёзное дарование у незнакомой ему провинциальной барышни было

налицо. Стихи Готовцевой самим фактом своего существования опровергали его «сердитые» заметки. Пушкин сочиняет заказанный Вяземским мадригал, посылает его издателю альманаха «Северные цветы» А. А. Дельвигу, пытаюсь затушевать свою неловкость грубовато-шутливым тоном: «Вот тебе ответ Готовцевой (чёрт её побери), как ты находишь эти стишки? Что-то написал ей мой Вяземский? А от меня ей мало барыша. Да в чём она меня и впрямь упрекает?.. Господь её знает».

Здесь Пушкин, конечно, лукавит: знает он, в чём упрекает его Готовцева. Загадочная провинциалка, как Татьяна Онегину, даёт Пушкину хороший урок. И в самом деле, в своих суждениях о женских талантах Пушкин прав лишь по отношению к тому типу светских дам, какой возник у нас ещё в XVIII веке. В светском обществе девушка неизменно «блистала» разными салонными талантами. Так требовала мода: умей немного музицировать, немного петь и танцевать, ловко набросать в альбом бесхитростные рифмованные строки – всего понемножку, в пределах салонных вкусов, но ничего всерьёз. Профессионализм тут принципиально отрицался, к нему относились даже с презрением. Именно таких «любительниц искусств» – «мотыльков» и «лилей» – и обличал Пушкин в своих заметках. По видимому, они немало докучали поэту. Ведь многие из них мнили себя покровительницами талантов, судили о стихах вкривь и вкось, упорно домогались стать «музами» известных поэтов, обнаруживая при этом суетное тщеславие. Вот Пушкин им и отомстил, хотя и оказался слишком категоричным, ибо к концу 1820-х годов на смену тепличным светским «лилеям» из глубин России, от провинциальных её корней, стали прорастать совсем другие «цветы».

Для Готовцевой литература была уже не салонным увлечением, не данью моде: она литературой жила, поэзия просвещала, обогащала и утончала её внутренний мир, формировала женский характер. В стихах «Ответ А. И. Готовцевой» Пушкин именно это и заметил, хотя и не преминул подчеркнуть свою недоверчивость, свои сомнения насчёт женского поэтического дара:

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им, но и робею:
Твой недосказанный упрёк
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлёк?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветренный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была б всегда опровержением
Его печальной клеветы.

Диалог поэтов – Готовцевой, Вяземского и Пушкина – был опубликован в альманахе «Северные цветы» за 1829 год. Он завершался стихами А. И. Готовцевой «Ю. Н. Бартеневу»:

В безвестной тишине, забытая всем светом,
Я не хочу похвал, ни славы быть поэтом;
Но заслужить стремлюсь ваш благосклонный взор,
И, помня ласковый и тонкий ваш укор,
Беспечность праздную и лиры сон глубокий
Я перервать хочу – фантазией жестокой.
Забытый гений мой в стесненьи исчезал;
Но ваш призывный глас ему жизнь нову дал.
И кто, внимая вам, в порыве упоений,
К добру, к изящному не чувствовал стремлений?
Я помню чары сих пленительных бесед,
Когда, забыв пиры, забавы, шумный свет,
Я в храме мудрости душою отдыхала
И сердца пустоту высоким заменяла;
Привет ваш озарял неопытный мой ум,
В порядок приводил хаос незрелых дум
И, трудностей стезю цветами украшая,
Учил и на земле вкушать блаженство рая!

Забуду ль сих минут святую тишину,
Когда преданья лет, седую старину
Вы слуху моему – душе передавали
И новый блеск перу Карамзина давали;
Экзаметр Гнедича на сердце не потух –
Вы ум растрогали, очаровали слух,
И Андрوماхи стон, и бешенство Ахилла
Душа читателя с Гомером разделила.
Поэты русские, о слава наших дней!
Не истребитесь вы из памяти моей:
Я чувства чувствами, мечту мечтой сменяла,
Когда язык богов из уст златых внимала.
И вы!.. Но с грустию я отвращаю взор
От падших ангелов: их гений им укор;
Их слава, промелькнув, как грозная комета,
Затмила блеск звезды – и умерла для света!..
Так часто в тишине беседея с собой,
Я воскрешаю даль минувшего мечтой;
И, в сердце разбудив к изящному стремленье,
Вам посвящаю в дар досуг и вдохновенье.
Оно являлось мне весною на лугах
То в песнях соловья, то в радужных цветах,
То в отблеске луны и в тишине природы,
То в мрачной осени и в бурях непогоды.
Но своевольный гость, являясь, исчезал.
Он в глубине души прибежища искал,
И там, взлелеянный отрадой вспоминанья,
Надеется и ждёт – улыбки и вниманья.

Публикация этих стихов была явлением историческим. Читатели тут как бы присутствовали при самом факте рождения женщины-поэта. И даже Белинский отметил потом Готовцеву среди немногих поэтесс пушкинского периода, в чьих стихах «проглядывает чувство».

Николай Языков, познакомившийся с Анной Ивановной в Москве в 1829 году, посвятил ей стихотворение «Влюблен я, дева-красота!», позднее положенное на музыку А. С. Даргомыжским.

Влюблен я, дева-красота!
В твой разговор живой и страстный,
В твой голос ангельски прекрасный,
В твои румяные уста!
Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих послушаться речей,
Упитья песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

Многие связывали с Готовцевой большие надежды. Когда в 1830 году она замолчала, Вяземский послал ей тревожное письмо, которому придавал особое литературное значение, публикуя отрывок из него в альманахе «Денница», а потом неизменно включая в собрание своих сочинений:

«Жалею, что давно не знаю ничего о ваших стихотворных занятиях. Надеюсь, что вы не изменили им. Смею даже советовать вам упражняться постоянно и прилежно: пишите более и передавайте стихам своим как можно вернее и полнее впечатления, чувства и мысли свои. Пишите о том, что у вас в глазах, на уме и на сердце. Не пишите стихов на общие задачи. Это дело поэтов-ремесленников. Пускай написанное вами будет разрешением собственных, сокровенных задач. Тогда стихи ваши будут иметь жизнь, образ, теплоту, свежесть. В женских исповедах есть особенная прелесть. Свой взгляд, своё выражение придают печать оригинальности и новости предметам самым обыкновенным. Может быть, лучшие стихи у всех первейших поэтов именно те, которыми выражены чувства простые, общие по существу своему, но личные по впечатлениям, действовавшим на поэта, и положению, в котором он находился на ту пору. Вот тайна истины и истинной поэзии. <...>

Почему так мало истинно хороших стихов пишется в наше время, хотя число хороших стихотворцев нарочито умножилось? Потому, что многие поют фальшиво, не своим голосом, а подделываясь под чужие голоса. Молодёжь, полная надежд и часто суетности, поёт о разочаровании, об усталости жизни, когда вовсе не было от чего устать. В большей части наших поэтов современных мы не видим лиц, а видим маску,

которую они отлили себе, сообразаясь с духом времени и корча господствующее лицо. Ради Бога не надевайте маски.

Не увлекайтесь заразой повсеместной,
Вы сердца слушайте, не моды, не молвы:
И чтоб наверно быть прелестной,
Вы будьте истинны, вы будьте просто вы».

В «женских исповедях» Вяземский видит «особенную прелесть», ибо в них преодолевается опасный разрыв между человеком и поэтом, о котором писал Пушкин в хрестоматийном стихотворении «Поэт»:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Вяземскому кажется, что такое раздвоение чуждо самой природе женского сердца. Женщине свойственна неизменная цельность мысли, чувства и жизненного поступка.

Однако на призыв Вяземского писать стихи Готовцева ответила так:

НА ВЫЗОВ ПИСАТЬ СТИХИ

Я распростилася с мечтой
В моей беспечности счастливой,
Забыт и вымысел игривый,
И сны фантазии златой.
И что мне петь? Души покой
Страстей волнение не смущает.
Однообразно протекает
Жизнь мирная своей чредой.
Порывом бури потрясённый,
Дуб гордый гибнет и шумит,
Затихнул ветер, он молчит,
Как бы спасеньем изумлённый.

Так, пережив годину бед
И перечувствовав довольно,
Я отдыхаю, и невольно
Молчу, и забываю свет.
1830

В 1829 году А. И. Готовцева вышла замуж за генерала П. П. Корнилова, жизнь её круто изменилась, пришла череда семейных тревог и хлопот. Заботы о больном муже, о воспитании детей в первой половине XIX века считались главной женской добродетелью. Но всё-таки Готовцева свой литературный долг исполнила: она воспитала первую профессиональную поэтессу России в своей племяннице Юлии Валериановне Жадовской.

Таким образом, с именем А. И. Готовцевой в истории русской литературы связано очень важное событие – рождение высокой женской поэзии. Это «зерно» дало свой цвет и плод позднее, в русской поэзии начала XX века. Но мы с гордостью можем сказать, что истоки женской поэзии уходят в нашу провинциальную культурную почву, что она начиналась с диалога первых поэтов России Пушкина и Вяземского, в котором на равных приняла участие костромичка Анна Ивановна Готовцева.

Но нельзя тут обойти вниманием и другого человека, оказавшего впоследствии на Жадовскую столь же благотворное влияние, как некогда на её тётушку. В доме Корниловых на бывшей Ильинской улице (ныне ул. Чайковского, 11) произошла встреча юной Юлии Жадовской с Юрием Никитичем Бартеневым, сыгравшая важную роль в становлении её поэтического таланта. «Да не удивит вас моя привязанность, – писала Ю. В. Жадовская Ю. Н. Бартеневу в марте 1852 года. – Много лет тому назад меня вырвали из тёплого и мирного уголка, где я жила с моей старушкой бабушкой, окружённая привязанностью самой искренней, ласками самыми нежными. Меня привезли в губернский город, который казался мне тогда столицей, в дом, который по моим понятиям был очень великолепен и огромен. Мне было 8 лет; в семействе Корниловых не было мне равных; все были заняты своими

интересами, то есть выездами и балами. Я терялась в этом мире, столь новом и столь чуждом для меня. В сердце у меня стало образовываться какое-то тёмное, тяжёлое чувство, нечто вроде тоски по родине. Я плакала потихоньку, потому что участие, возбуждаемое моими слезами, было мне плохим утешением, делало меня только скрытнее. Однажды я осталась одна в доме; мне было грустнее обыкновенного; мрачный, зимний день глядел в окна. В гостиную вошёл гость, незнакомый мне. Обратясь ко мне с вопросом о тётке, он устремил на меня пронизательный, ласково-серьёзный взор – и всё существо моё оживилось и затрепетало под влиянием этого взора... С того дня в детском мире моём засияла новая звезда, зазвучали речи сладкие, дотоле неведомые мне, озарившие моё сердце каким-то благодатным светом, живительной теплотой. С увлечением читала я маленькие книжки, которые дарил мне этот добрый гений, Юрий Никитич Бартенеv, и тоска моя стихала, и в глубине души заводился зародыш нравственной силы».

Юрий Никитич Бартенеv родился 16 февраля 1792 года в Костромской губернии. Обучался в Московском университетском благородном пансионе и кадетском корпусе. Завершив образование, около 1811 года поступил на военную службу. В 1819 году подал в отставку и был назначен директором училищ Костромской губернии; занимал этот пост после Н. Ф. Грамматина до 1833 года. В 1836–1844 годах был чиновником в Почтовом департаменте, которым в то время руководил князь А. Н. Голицын. Подал в отставку, жил в Москве на Смоленском бульваре, где умер 27 ноября 1866 года и был похоронен на Ваганьковском кладбище. Бартенеv пользовался репутацией остроумного человека и талантливого рассказчика. Как и его покровитель, князь А. Н. Голицын, интересовался философией и мистикой. Был знаком с выдающимися людьми своей эпохи, подтверждением чему служит альбом Бартенева, содержащий множество замечательных автографов. В альбоме Бартенева А. С. Пушкин записал своё стихотворение «Мадонна» под 30 августа 1830 года и сопроводил его посвящением: «В память любезному Юрию Никитичу Бартенеvu».

Сочинения А. И. Готовцевой

Русские поэтессы XIX века. – М., 1979.

Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. – Кострома, 2005.

Литература о творчестве А. И. Готовцевой

Бочков В. Н. Готовцева / В. Н. Бочков // Русские писатели 1800–1917: биограф. сл. – Т. 1. – М., 1989.

Лебедев Ю. В. О феномене А. И. Готовцевой в русской поэзии первой половины XIX века / Ю. В. Лебедев // Материалы IV Григоровских чтений. – Кострома, 1994.

Сапрыгина Е. В. «Прелестный дар, перо поэта...» / Е. В. Сапрыгина // Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. – Кострома, 2005.

Рекомендации по работе с материалом учебного пособия

1. Опираясь на статью учебного пособия, подготовьте рассказ на тему «Диалог поэтов» о стихотворном диалоге Вяземского, Пушкина и Готовцевой.

2. Как вы понимаете слова о публикации стихов Готовцевой в альманахе «Северные цветы»: «Публикация этих стихов была явлением историческим»? Согласны ли вы с этим утверждением?

Задания для самостоятельной работы

1. Проанализируйте по вариантам три стихотворения А. И. Готовцевой приведенные ниже.

2. Обобщите наблюдения и составьте общий «портрет» лирической героини костромской поэтессы.

ВИДЕНИЕ

Я видела тебя! с улыбкою небесной.
Как воздух лёгкая, как метеор прелестный¹,
Ты мне мелькнула в тишине,

---

¹ Речь идёт о Музе, древнегреческой богине, покровительнице искусств.

Отрадно друга навестила
И к неизвестной стороне
Опять полёт свой устремила!
Я видела тебя! и сладостный привет,
И образ кроткий твой был не мечта – ответ
Душе моей, тоской томимой.
Разлуки вечной приговор
Смягчала ты улыбкой милой,
Надежду воскрешал твой взор.
Я видела тебя! приникнув с высоты
В одежде розовой и в блеске красоты.
О сладкое очарованье...
При звуке арфы золотой
Ты прошептала мне свиданье
И радость жизни неземной!
1826

**К ПЕРУ, ПОДАРЕННОМУ МНЕ
КНЯЗЕМ ВЯЗЕМСКИМ**

Прелестный дар, перо Поэта,
Ты мне дороже блеска света!
Ты носишь гения следы,
Живой фантазии плоды.
Порыв высоких вдохновений
И дар чудесных песнопений.
Тебе знакомы красоты,
Которых я постичь не смею,
И им дивиться лишь умею.
Ты не писало – рисовало:
Ты всё и всех очаровало,
И мне ль тобою управлять?
Ах, я могу лишь сохранять
Тебя, как дар души священный,
И с восхищеньем вспоминать
Привет отрадный, незабвенный...
Прелестный дар, перо Поэта,
Ты мне дороже блеска света.

НОЧЬ

Когда природа спит и мраком полуночи
Оденутся долины и леса,
Тогда, забывши сон, я устремляю очи
Туда, где вечный день сулят нам небеса.
Всё тихо! Звёзд златых блистательный собор
В святом безмолвии на дальний мир взирает,
Лишь изредка вдали блестящий метеор
Чертою пламенной свой путь обозначает.
Душа волнуется таинственным желаньем,
С восторгом сладостным кого-то ждёт она,
И вот, окружена таинственным сияньем,
Над рощею всплыла сребристая луна.
Исчезла темнота, окрестность озарилась,
Ручей, вивясь, бежит прозрачной полосой,
И тень бродящая печально отразилась
На мягкой мураве, подёрнутой росой.

Темы докладов, рефератов, исследовательских работ

1. Литературные и житейские таланты сестёр Готовцевых.
2. Анна Ивановна Готовцева – автор и адресат лирических посланий.
3. Женская поэзия в России в первой трети XIX века.
4. Мотив поэтической «глухоты» в творчестве Пушкина и его гендерные аспекты.

Задания для организации проектной деятельности

Судьба Анны Ивановны Готовцевой и история её знакомства с русскими поэтами могла бы послужить литературной основой увлекательного художественного фильма.

Попробуйте написать сценарий такой картины и разработать детали проекта: определите места съёмок, предложите актёров – исполнителей основных ролей, опишите целевую аудиторию фильма и примерный эффект от просмотра, который вы хотели бы получить.

Павел Александрович
КАТЕНИН
(1792–1853)

Павел Александрович Катенин родился 11 (22) декабря 1792 года в старинной дворянской семье в усадьбе Шаёво Кологривского уезда Костромской губернии. Он получил хорошее домашнее образование, знал семь европейских языков. С 1806 года Катенин служил в Министерстве народного просвещения и проявил живой интерес к литературе. Кроме вступивших тогда в борьбу «шишковистов» и «карамзинистов», в Петербурге возник кружок литераторов, не примыкавших ни к тому, ни к другому лагерю. Центром этого кружка стал литературный салон любителя искусств и художеств А. Н. Оленина, директора Публичной библиотеки, а затем – Академии художеств. Члены кружка, куда вместе с Катениным вошли Н. И. Гнедич и К. Н. Батюшков, были увлечены классической поэзией античности. Первые литературные опыты Катенина – переводы и подражания Оссиану, Биону, Вергилию, С. Гесснеру – появились в 1810 году журнале «Цветник».

В 1810 году Катенин перешёл на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк, где сдружился с офицерами-литераторами С. Н. Мариным, автором лирических песен в народном духе, и П. Ф. Шапошниковым, одним из переводчиков трагедии Расина «Гофолия», поставленной на петербургской сцене в 1810 году. Вскоре Катенин близко сошёлся с драматургом А. А. Шаховским и другими театральными деятелями, стал членом «Беседы любителей русского слова», участвовал в любительских спектаклях.

По литературным симпатиям он примыкал к левому крылу «архаистов». Катенин переводил на русский язык и добивался постановки на отечественной сцене трагедий французских классицистов Пьера Корнеля и его брата Тома. 3 февраля 1811 года, в бенефис Е. С. Семёновой, в Петербурге была поставлена в его переводе трагедия Т. Корнеля «Ариадна». А потом, в 1822 году, Катенин перевёл трагедию П. Корнеля «Сид», поставленную тогда же на петербургской сцене. В «Евгении Онегине» Пушкин писал:

Там Озеров невольны дани
Народных слёз, рукоплесканий
С младой Семёновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой...

В 1812–1814 годах Катенин участвовал в Отечественной войне и заграничном походе, сражался под Бородиным, Лютценом, Баутценом, Кульмом, Лейпцигом. Награждён орденом Святого Владимира IV степени с бантом и Кульмским крестом. В Париже он познакомился с французским театром и общался с выдающимся актёром Франсуа-Жозефом Тальма.

По возвращении в Петербург он продолжает службу в качестве штабс-капитана, а с 1820 – полковника Преображенского полка. С конца 1816 года Катенин становится членом Союза спасения, а в 1817 году – главой одного из отделений Военного общества, автором-переводчиком популярного в среде декабристов свободолюбивого гимна «Отечество наше страдает...» с припевом: «Свобода! Свобода! / Ты царствуй над нами! / Ах! лучше смерть, чем жить рабами...»

Катенин оказывается в курсе готовившегося декабристами цареубийства, причиной которого стало желание Александра I удовлетворить территориальные претензии польской шляхты. Наполеон, подчинив себе всю Европу и вступая в 1812 году в пределы России, обещал Польше осу-

шествовать её давние притязания на русские земли. В составе наполеоновской армии Россия в лице поляков получила очень агрессивного и грозного противника, что, разумеется, обострило давний «спор славян между собою, домашний, старый спор». Тем не менее, после разгрома «двунадесяти языков», вторгшихся в Россию, Александр I не только простил полякам их участие в этом нашествии, но и даровал им конституцию. А затем он попал под влияние своего друга, известного польского политика Адама Чарторыйского, и стал вынашивать сумасбродные планы.

В 1817 году московские члены Союза спасения получили из Петербурга письмо С. П. Трубецкого. Речь в нём шла о секретном разговоре Александра I с князем П. П. Лопухиным. Государь сообщил ему о намерении восстановить Польшу под своим владычеством в границах 1772 года и лишить Россию Правобережной Украины и Белоруссии, которые декабристы рассматривали как исконно русские земли.

На специальном собрании членов тайного общества в Москве читали и обсуждали письмо Трубецкого. В письме говорилось, что император считает Польшу более образованной и европейской страной и любит только её, а Россию ненавидит, поэтому он решил отторгнуть русские земли и присоединить их к Польше. Наконец, презирая Россию, государь высказал намерение перенести её столицу в Варшаву. Всё это убеждало декабристов, что зло, гнетущее и разоряющее страну, заключено в Александре.

«Меня проникла дрожь, – вспоминал И. Д. Якушкин об этом собрании, – я ходил по комнате и спросил присутствующих, точно ли они верят всему, сказанному в письме Трубецкого, и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора; все стали меня уверять, что то и другое несомненно. В таком случае, сказал я, Тайному обществу тут нечего делать, и теперь каждый из нас должен действовать по собственной совести и собственному убеждению. На минуту все замолчали. Наконец, Александр Муравьев сказал, что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо

прекратить царствование императора Александра и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести».

В это время государь со свитой отправлялся в Москву на празднование пятилетия со дня Бородинской битвы. Осуществлялась закладка будущего храма Христа Спасителя, открывался памятник Минину и Пожарскому. У Якушкина созрел такой план действий: «Я решился по прибытии императора Александра отправиться с двумя пистолетами к Успенскому собору и, когда царь пойдет во дворец, из одного пистолета выстрелить в него, из другого – в себя. В таком поступке я видел не убийство, а только поединок на смерть обоих».

В курсе этих событий был и юный Пушкин. В набросках к 10-й главе «Евгения Онегина» он писал:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

Тогда впервые в тайном обществе декабристов прозвучала мысль о цареубийстве, но она тут же и отрезвила большинство вольнодумцев. Якушкин вспоминал: «На другой день... вечером собрались у Фонвизина те же лица, которые вчера были у Александра Муравьева; начались толки, но совершенно в противном смысле вчерашним толкам. Уверяли меня, что всё сказанное в письме Трубецкого может быть и неправда, что смерть императора Александра в настоящую минуту не может быть ни на какую пользу для государства и что, наконец, своим упорством я гублю не только всех их, но и Тайное общество при самом его начале, которое со временем могло бы принести столько

пользы для России. Все эти толки и переговоры длились почти целый вечер; наконец, я дал им обещание не приступать к исполнению моего намерения и сказал им, что если всё то, чему они так решительно верили вчера, не более как вздор, то вчера они своим легкомыслием увлекли было меня к совершению самого великого преступления; но что если в самом деле ничто не может быть счастливей для России, как прекращение царствования императора Александра, то сегодня своей нерешительностью и своими требованиями они отнимают у меня возможность совершить самое прекрасное дело, и в заключение объявил, что я более не принадлежу к их Тайному обществу».

В тайны заговора был посвящён и П. А. Катенин. В 1818 году он опубликовал вольный перевод отрывка из трагедии П. Корнеля «Цинна» под названием «Рассказ Цинны», в который включил от себя речь о казни тирана-императора:

«Друзья! – сказал я им, – настал нам день блаженный,
Наш замысл довершить великий и священный;
К спасенью Рима бог нас силою облек,
И счастьем всех претит единый человек...
<...>
Искать ли случая? Но завтра он готов:
Он в Капитолии чтит жертвами богов,
И сам падёт, от нас на жертву принесенный
Пред вечным судьей спасению вселенной.
Кто охранит его? Там наши все друзья;
Сосуд и фимиам ему вручаю я.
Да будет знаком вам, когда я сей рукою
Не фимиам – кинжал глазам его открою...»

На исходе 1810-х годов поэтическая школа «гармонической точности», представленная творчеством В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова, начинает испытывать полемические нападки не только со стороны «архаистов», ревнителей «старого слога», но и со стороны молодых поэтов, сторонников создания поэтического стиля, включающего всё богатство русского языка (Ф. Глинка, П. Катенин,

А. Грибоедов). Это связано с проблемой народности литературы, всё более настойчиво утверждающей себя на русском Парнасе.

Эстетические и общественные взгляды Катенина близки к левому крылу русских романтиков. Он отстаивает преимущество гражданского содержания над сюжетами интимно-психологическими, он решительно не принимает манерность, слащавость и вялость поэтического языка карамзинистов. В 1815 году он начинает полемику с В. А. Жуковским, публикуя баллады «Наташа», «Убийца», «Леший».

В 1816 году, вступая в прямое соперничество с «Людмилой» Жуковского, Катенин пишет балладу «Ольга» – вольный перевод «Леноры» Г. А. Бюргера. Выступая против перифрастического стиля и утончённого психологизма Жуковского, Катенин стремится к точности в передаче «простонародного» быта в этнографических описаниях и в языке, к психологически достоверной речевой характеристике героев. В полемике с мистицизмом баллады Жуковского Катенин намеренно огрубляет в простонародном духе изображение нечистой силы, встреченной Ольгой на пути с мёртвым женихом:

Казни столп; над ним за тучей
Брежит трепетно луна;
Чьей-то сволочи летучей
Пляска вокруг его видна.
«Кто там! сволочь! вся за мною!
Вслед бегите все толпою,
Чтоб под пляску вашу мне
Веселей прилечь к жене».

В балладе «Убийца» и сам сюжет, и поэтический слог у Катенина в ряде моментов предвосхищает поэзию Н. А. Некрасова:

В селе Зажитном двор широкий,
Тесовая изба,
Светлица и терём высокий,
Белёная труба...

Катенинская «Ольга» положила начало литературной полемике: с резкой критикой на неё выступил Н. И. Гнедич, осудивший «простонародные» баллады Катенина за «грубость» языка и «жёсткий слог» (Сын Отечества. 1816. № 27). За Катенина вступился Грибоедов, отметивший речевое новаторство поэта в передаче русского национального колорита (Сын Отечества. 1816. № 30). А потом и Кюхельбекер в статье «Взгляд на текущую словесность» (1820) из всей новейшей поэзии выделил баллады Катенина за «попытку сблизить наше нерусское стихотворство с богатою поэзиею народных песен, сказок, преданий – с поэзиею русских нравов и обычаев». В противоположность «вялому и бессильному» языку элегической поэзии он требовал использования всех языковых средств, пригодных для создания впечатления силы, напряжённости, «разительности» стиха, в том числе и славянизмов. Слог поэта, считал он, хорош тогда, когда «ознаменован истинным вдохновением, и по сему самому мощен, живописен, разителен».

Таким образом, Катенин имел все основания считать себя в своих балладах победителем Жуковского. Впоследствии это мнение окончательно утвердил Пушкин в рецензии на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» (1833): «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Бюргеровой Леноры. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из неё то же, что Байрон в своём Манфреде сделал из *Фауста*: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам Ленору в энергической красоте её первобытного создания; он написал *Ольгу*. Но сия простота и даже грубость выражений, сия сволочь, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица вместо сельских картин, озарённых летею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым».

Проблема *народности* литературы является основной в политической программе декабристов. В фольклоре их

привлекали главным образом те произведения, в которых отразился антикрепостнический протест народа или героические страницы его борьбы с иноземными захватчиками.

Существенные коррективы вносятся декабристами в разработку литературного языка. В 1811 году Ф. Глинка публикует в «Русском вестнике» статью «Замечания о языке славянском и русском, или светском наречии»: «Какое изобилие! Какие возвышенные и какие величественные красоты в наречии славянском. И притом какое искусное и правильное сочетание слов, без чего и лучшие мысли теряют свою красоту».

Ему вторит П. Катенин в «Сыне Отечества» в 1822 году: «Знаю все насмешки новой школы над славянофилами, варягороссами и пр., но охотно спрошу у самих насмешников, каким же языком нам писать эпопею, трагедию или даже важную благородную прозу? Лёгкий слог, как говорят, хорош без славянских слов; пусть так, но в лёгком слоге не вся словесность заключается: он даже не может занять в ней первого места; в нём не существенные достоинства, а роскошь и щегольство языка».

Одновременно с отстаиванием высокого стиля в поэзии с новой остротой поднимается проблема литературного освоения устного народного творчества. Письменную поэзию декабристы считали «искусственной», а в фольклоре видели «естественную» импровизацию. Народный певец вдохновляется непосредственными душевными движениями и не знает предписаний теории. То, что мы теперь считаем традицией, жанровым ритуалом, устойчивыми эпическими и лирическими формулами, – воспринималось как продукт индивидуального вдохновения. Поэтому стремление приблизиться к фольклору в первой половине XIX века не сводилось к воспроизведению того или иного фольклорного сюжета, а мыслилось как игра свободной, никакими правилами не регламентированной фантазии. И чем причудливее была эта фантазия, чем далее уходила она от норм письменной речи, тем произведение считалось народнее и ближе к фольклору.

В поэме «Мстислав Мстиславич» Катенин передаёт эту «фольклорную» импровизацию с помощью сложной поллиметрической композиции. При этом Катенин стремится преодолеть идущую от классицизма традицию гражданственности, существующей как бы вне времени и пространства. Он конкретизирует гражданскую тему на материале историческом. В поэме идёт речь о катастрофической для русских полков битве с татарами. Действие поэмы переносится в XIII век. Катенин пытается воссоздать в ней тип культуры того времени, опираясь на «Слово о полку Игореве» и на фольклор. В поэму вводится национальный колорит: песенные и былинные мотивы, образы белых лебедей – судов на синем море, ракитового куста на холме:

В той равнине холм высокий,
На холме ракитов куст.
Отдыхает одинокий
Витязь там; стрелами пуст,
Тул отброшен беспощадный;
Конь лежит, в груди стрела;
Решето стал щит железный,
Меч – зубчатая пила.

Но в монологе древнего героя Мстислава Мстиславича звучат порой речи, близкие и по форме и по содержанию вольнолюбивой гражданской лирике декабризма:

Но чем бы ни решались битвы,
Моя надежда всё крепка:
Услышит наши Бог молитвы,
И нас спасёт Его рука.
Он русским даст терпенья силу,
Они дождутся красных дней...

По-прежнему Катенин активно переводит французских драматургов-классицистов – трагедии Ж. Расина «Эсфирь» и П. Корнеля «Сид». Он ставит их на петербургской сцене. Но в своём осмыслении художественного наследия французских классиков Катенин выступает как литератор,

отстаивающий принципы романтического историзма и вносящий в свои вольные переводы детали «местного колорита». «Чем ближе поэт новый наш, обрабатывая предмет древний или чуждый, подойдёт к свойству, быту и краске изображаемого им места, времени, народа и лица, тем превосходнее будет его произведение», – пишет Катенин в своём труде «Размышления и разборы».

Совместно с Грибоедовым он сочиняет в это время комедию «Студент», продолжая начатую балладами творческую полемику с поэтами-карамзинистами, а также обогащает репертуар петербургского театра переводами-переделками французских комедий нравов: «Нечаянный заклад, или Без ключа дверь не отпрётся» (переделка комедии М. Ж. Седена), «Сплетни» (Ж. Б. Л. Грессе). Катенин близок к А. А. Шаховскому в комедийном жанре, но не разделяет его театральной эстетики, склоняясь к глубокой психологической разработке сценических характеров.

С 1818 года он занимается с актёрами В. А. Каратыгиным и А. М. Колосовой, создавая свою актёрскую школу, отмеченную глубоким психологизмом. Вклад Катенина в историю сценической игры неоспорим. «Жаль, – писал Грибоедов в октябре 1824 года старому другу, оказавшемуся в ссылке, – что не могу попасть к тебе в Кострому, а так давно собираюсь! Но мне есть утешение: коли не с тобою, так о тебе беседую часто и с теми даже, с кем ты не знаком и кто тебя не стоит. На днях всё как будто судьбою устроено, чтобы мне сердцем и мыслями перенестись к тебе, почтенный друг. Люди менее несправедливы на твой счёт; стало, и об них можно передать тебе вести. Чаше прежнего приносит твоё имя Андромаха, которая должна появиться в альманахе¹; в Париже вышли о тебе отзывы, исполненные уважения²; в театре превозносят Каратыгина и тебе приписывают развитие его дарования».

---

¹ Отрывок из этой трагедии Катенина появился в «Русской Талии» за 1825 год.

² В одном из парижских альманахов за 1824 год была напечатана статья Н. И. Бахтина с благоприятным отзывом о Катенине.

Юный Пушкин в 1818 году решается на визит к Катенину и, протягивая ему при входе свою трость, говорит: «Я пришёл к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи». Катенин «трость принимает»: знакомит Пушкина с Шаховским, внушает поэту мысль об известной ущербности психологического романтизма карамзинистов. По признанию Пушкина, Катенин отучил его «от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли». Грибоедов тоже утверждал, что обязан Катенину «зрелостью, объёмом и даже оригинальностью» своего дарования.

В правительственных кругах Катенин имеет репутацию «большого вольнодумца», на службе ведёт себя с вызывающей независимостью. «Как командир, – вспоминал П. П. Каратыгин, – Катенин, по человеческому обхождению с нижними чинами, был одним из отрядных исключений тогдашней аракчеевщины, как товарищ – был искренно любим всеми сослуживцами – и, при всём том, как подчинённый не умел ладить со своим высшим начальством, особенно в тех случаях, когда замечания по службе были несправедливы или неосновательны. Великий князь Михаил Павлович произвёл внезапный смотр батальону, в котором находился Катенин. Со свойственным ему вниманием осматривая мундиры на солдатах, его высочество был неприятно поражён небольшою заплатою на рукаве у одного из рядовых или унтер-офицеров. Подозвав Катенина, великий князь показал ему на этот изъян на мундире солдата и сурово произнёс:

– Это что? Дыра?

– Никак нет, ваше высочество, – почтительно ответил Катенин, – это заплатка; и именно затем, чтобы не было дыры, которую ваше высочество заметить изволили.

– А я вам говорю, что это дыра! – повторил его высочество, возвышая голос.

– А я имею честь докладывать вашему высочеству, – повторил Катенин, – что именно затем и заплатка на рукаве, чтобы не было дыры, которую ваше высочество заметить изволили».

За этот ответ Катенину было предложено в сентябре 1820 года подать в отставку, а в ноябре 1822 года за демонстративную обструкцию актрисе Семёновой на представлении «Поликсены» его по распоряжению императора выслали из Петербурга в родовую усадьбу Шаёво с запрещением въезда в обе столицы.

Здесь он томится в одиночестве с 1822 по 1825 год, занимается переводом «Романсов о Сиде. Из Гердера», ведёт переписку с другом Н. И. Бахтиным, А. С. Грибоедовым и актрисой А. М. Колосовой.

Летом 1825 года Катенин возвращается в Петербург, выводит на сцену свои переделки с французских комедий «Говорить правду – потерять дружбу» (П. Мариво), «Обман в пользу любви» (П. Мариво), «Недоверчивый, или Елена и Клерваль» (Ш. Колле).

3 февраля 1827 года он ставит оригинальную трагедию «Андромаха» (отдельное издание – СПб., 1827) – «лучшее произведение нашей Мельпомены по силе чувств, по духу истинно трагическому» (А. С. Пушкин). Премьера её состоялась на сцене Большого театра в Петербурге. Роль Андромахи исполняла А. М. Колосова. В этой трагедии Катенин уходит от классицизма, от представлений об античной культуре как вневременном эталоне для прямого подражания. Античность изображается здесь как особый мир, исторически обусловленный. Катенин показывает, что человек античной эпохи мыслил и чувствовал по-своему и что строй его мыслей и чувств обладал своей непреходящей эстетической ценностью.

В 1827–1832 годах Катенин вновь живёт в деревне, работает над исторической комедией «Вражда и любовь», пишет оригинальную балладу «Старая быль», полемическую по отношению к общественным взглядам Пушкина. В своих «Стансах» Пушкин пытался настроить Николая I на либеральный лад, приводя ему в пример Петра I и взывая к милости по отношению к декабристам. Катенин осуждал этот политический компромисс и отнёсся к позиции Пушкина критически. Тогда же Катенин

продолжал цикл литературно-критических статей «Размышления и разборы», публикуя их в «Литературной газете» Дельвига.

В «Размышлениях и разборах» даётся энциклопедический очерк истории европейских литератур от античности до XVIII века. Катенин выступает здесь уже как решительный противник романтизма вообще и разделения поэзии на классическую и романтическую в частности. Катенин – сторонник рационального отношения писателя к своему произведению. Поэзия для него не свободное вдохновение, а ремесленный труд, основанный на знании творцом незыблемых законов художественности, «вечных правил»: «Правило есть краткое изложение истины, рассудком замеченной и опытом подтверждённой».

Пушкин неслучайно высоко оценил дарование Катенина-критика. В 1810–1820-х годах в русской литературе шёл горячий спор о классицизме и романтизме. Аналогичные споры шли тогда и на Западе. Но в России этот спор приобретал совершенно иной смысл и иную направленность. Пушкин противопоставлял *романтизму «ложному»*, к которому он относил и своё творчество южного периода, – *«истинный романтизм»*, понимая его *буквально как восхождение реализма эпохи Ренессанса*.

В набросках 1825 года «О поэзии классической и романтической» Пушкин считает представителями «чистой романтической поэзии» Данте, Ариосто, Шекспира, Маро, Рабле, Монтеня, Лопе де Вега, Кальдерона. Одновременно он отнимает право называться романтиками у многих современных писателей европейского романтизма. Считаю отцом истинного романтизма Шекспира, Пушкин предъявляет к этому направлению совершенно далёкие от эстетических вкусов европейских романтиков требования: многосторонность в отражении жизни, «вольное и широкое изображение характеров» (Пушкин противопоставляет односторонность Байрона многосторонности Шекспира), «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах», «смешение родов»,

комического и трагического, изысканность необходимых иногда «простонародных выражений». Всех этих качеств лишён современный романтизм, и все они находятся Пушкиным у Шекспира!

В русской критике спор романтизма с классицизмом тоже завершился парадоксальным с точки зрения западноевропейских эстетических вкусов и представлений выводом о необходимости синтеза двух этих направлений. На возможность такого синтеза указывал в своих теоретических и литературно-критических статьях Н. И. Надеждин. К аналогичным выводам пришёл в своих «Размышлениях и разборах» и П. А. Катенин. «В те дни, когда „Литературная газета“ печатала „Размышления и разборы“, – замечает Л. Г. Фризман, – состоялась защита докторской диссертации Н. И. Надеждина „О начале, сущности и судьбах поэзии, называемой романтической“. Это не случайное совпадение. И Катенин, и Надеждин выступили с критикой современной им романтической литературы. Оба снискали репутацию апологетов классицизма. Применительно к тому и другому такая характеристика оказалась поверхностной и недостаточной. Он „был не совсем искренним поборником классицизма так же, как и не совсем искренним врагом романтизма“. Эти слова, сказанные Белинским о Надеждине, применимы и к Катенину». В основе их эстетических систем «лежала идея необходимости смены романтизма новым искусством, которое синтезировало бы в себе достижения предшествующего художественного развития. Реализм не был назван и описан, но – предугадан».

В. В. Кожинов, уточняя верные предположения Л. Г. Фризмана, говорит, что классицизм и романтизм «в известном смысле являлись последовательным продвижением на первый план одной или другой из тех сторон, которые в искусстве Ренессанса выступали в нерасчлнённом эстетическом единстве. Видеть суть дела в „согласовании“ – значило, в сущности, утверждать искусство ренессансного типа».

В 1833 году Катенин возвращается в Петербург, вместе с Пушкиным и Загоскиным избирается членом Российской академии по Отделению русского языка и словесности. Он работает над переводом «Ада» Данте, исторических хроник Шекспира, «Одиссеи» Гомера, пишет оригинальную богатырскую поэму-сказку «Княжна Милуша» (СПб., 1834), а также лучшее своё произведение из народной жизни – «русскую быль» «Инвалид Горев» (Библиотека для чтения. 1836. Т. 17), предвосхищающую народные поэмы Некрасова.

Катенин неслучайно избирает для «русской были» античный стихотворный размер – гекзаметр. В античной поэзии видели тогда выражение мирозерцания свободного, приближающегося к «норме», неугнетенного народа. Многие склонны были считать античную культуру близкой по духу и генетически родственной русскому национальному характеру. Предвосхищая Катенина, Н. И. Гнедич, используя гекзаметр и гомеровские мотивы, пишет «русскую идиллию» «Рыбаки» (1821):

Всё спит; над деревнею дым ни единый не вьётся.
Огонь лишь дымится пред кущею рыбаля-старца.
Котёл у огнища стоит уже снятый с тренога:
Старик заварил в нём уху в ожидании друга;
Уха, уж остывши, подёрнулась пеной янтарной.
Не ужинал он и скучал, земляка ожидая...

Именно ощущение глубокой духовной общности гомеровского эпоса с национальным характером русского человека позволило Гнедичу завершить труд своей жизни созданием лучшего в мире перевода «Илиады» Гомера, на выход которого в свет Пушкин откликнулся проникновенным двустихием:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

«Русская быль» Катенина «Инвалид Горев» раскрывает демократические корни декабризма – единство господ

с простым народом, возникшее в годы Отечественной войны. Расхожим в советской исторической науке был упрёк декабристам в том, что они оказались «страшно далеки от народа». Однако эта «далёкость» от народа революционного декабристского крыла порождалась самоотверженной любовью к народу, проникновенным знанием его. Опыт кровавых событий французской революции, помноженный на собственные российские мятежи, призывал декабристов к предельной осторожности¹. Авторы агитационно-революционных солдатских песен А. Бестужев и К. Рылеев неслучайно боялись пускать их в крестьянскую среду. «Сначала мы было имели намерение распустить их в народе, – признавался А. Бестужев на следствии, – но после одумались. Мы более всего боялись народной революции; ибо она не могла быть не кровопролитна и не долговременна, а подобные песни могли бы оную приблизить...» Они допускали распространение таких песен лишь среди солдат, совершивших вместе с ними великий освободительный поход.

В «русской были» «Инвалид Горев» всё рассказанное поэтом – «сухая правда»: речь идёт о самом демократическом герое своего времени – о русском солдате. Приведём полную характеристику этого произведения, данную Г. В. Ермаковой-Битнер:

«Современники писали о трагической участи солдат, окончивших срок службы. Чудом дожив до конца своего 25-летнего срока, возвращались они в свою деревню, не находя уже там в живых своих близких, и ходили с сумою, нищенствуя, прося подаяния у таких же нищих, как они. Фактически этот же вопрос ставит и Катенин в своей „были“. Не будь встречи Горева с князем, отставного солдата ждала бы в конечном итоге та же сумма нищета. Мысль о полной безнадежности положения русского солдата высказана Катениным в краткой и очень ёмкой

---

¹ См. об этом: *Скатов Н. Н.* «Лучезарная точка в истории русских летописей...» (О нравственно-эстетическом опыте декабризма) // *Скатов Н. Н.* Далёкое и близкое: лит.-крит. очерки. М., 1981.

фразе, полной горькой иронии. Горев говорит князю: «А я бы вечно Бога молил; и только надежды: Он да вы». В реальность «помощи» Бога сам Катенин не верил, да, вероятно, мало верил и его герой, а счастливой встречи с князем могло и не быть.

Гвардейский полковник в прошлом, князь – представитель того передового поколения, к которому принадлежал сам Катенин. Рассказывая об организованной князем школе „для пользы крестьянской“, о его заботе об отставных военных, Катенин, очевидно, намечает определенную программу действий для передовых людей своего времени. Неслучайно „Инвалида Горева“ Катенин посвятил Н. И. Бахтину, занимавшемуся, в частности, вопросами улучшения положения отставных солдат. Но, повествуя о благородной деятельности князя, Катенин даёт понять своим читателям, что он говорит им об исключительном человеке. С грустью отмечает он, что лишь предусмотрительно составленное князем завещание обеспечило и после его смерти безбедное существование трём инвалидам, так как сын умершего князя был не согласен с ним „в образе мыслей“. Таким образом, концовка произведения была лишь по видимости благополучной и „счастливой“.

Художественные принципы, на которых основана „быль“ Катенина, противостоят всем канонам романтической эстетики. Принципиальна „обыкновенность“ героя. Горев – не исключительная личность, не герой-военачальник, а простой труженик войны, к тому же ещё и незадачливый, в беспомощности от ран попавший в плен.

В „были“ Катенин углубляет и совершенствует свой метод изображения народной жизни. Если в „Убийце“ он показывал конкретные детали крестьянского быта, причём события, взятые в моральном аспекте, могли происходить в любое время, были даны вне времени, то действие „Инвалида Горева“ происходит в определённую эпоху – эпоху наполеоновских войн, и не так, как в „Наташе“, где приметы времени не имели существенного значения. В „Инвалиде

Гореве“ точные, совершенно прозаические подробности – вроде того, что рекрут брали на Руси „двух с пятисот“, – создают подлинную достоверность всему происходящему, они находятся в „были“ рядом с широкими, эпического характера сравнениями, передающими дух эпохи „великих сеч“. В отношении „Инвалида Горева“ уже не приходится говорить об отдельных чертах колорита „местности“, характерных для принципа романтического историзма. Сама история стала содержанием произведения, в начальных 17–18 стихотворных строках Катенин с эпическим размахом рисует громадный исторический период борьбы народов, борьбы свободы с деспотизмом. И для рассказа об этом найдена особая, строгая, широкая, вольная и вместе с тем ёмкая форма, близкая по типу к былинке. Повествование об этом времени сначала ведёт не Горев, а какой-то „бывалый“ человек, человек из народа, былинник – суровый, умудрённый опытом жизни. Именно он произносит звучащие как афоризмы, как вывод из опыта жизни народа полные глубокого смысла обобщения. Отсюда обилие местных и образных речений в словесной ткани произведения. Например, выразительно такое сравнение: Кутузов стал „вымораживать“ французов, „словно хозяин из дому вон тараканов“. Лев Толстой скажет впоследствии в своих военных рассказах, что русский солдат всегда говорит о неприятеле – „он“. Точно так же выражается и Горев: „Палит он из пушек в наших“.

Характер главного героя, истинно русского человека, является большим достижением поэта. Горев отважен, верен долгу, ему присуща чисто русская смекалка, он наделён глубоким чувством собственного достоинства. Вместе с тем он простодушен, добр и очень чист душой. Это взрослый ребёнок, некоторыми своими чертами его облик предвосхищает образ Ивана Северьяновича из повести Н. С. Лескова „Очарованный странник“. Гореву присуща такая простодушная вера в добро и вера в человека, что он и помыслить не может, например, о возможности измены со стороны своей жены.

А любовь к родине является как бы частью его души, она стала чертой его характера, и, пренебрегая всеми благами за границей, он спешит на „святую Русь“. И тут Катенин подводит своего доброго, честного и простодушного героя к последним испытаниям, ожидающим его на „святой Руси“, в собственной семье.

Тема власти денег, противопоставленная истинной человечности, которая отчетливо звучит в „Инвалиде Гореве“, перекликается с темой, которой посвятил свою драматическую сказку – острую сатиру на тип приобретателя „Иван Купецкий сын“ Кюхельбекер. Сам Кюхельбекер говорил о том, что именно после 14 декабря 1825 года „юмор и даже сарказм“ стали одной из главных „пружин“ его творчества.

Как Кюхельбекер, так и Катенин выступили против „практицизма“ века, критикуя современные им нарождающиеся буржуазные отношения с позиции людей, преклоняющихся перед гуманностью, человечностью, „высокими“ идеалами.

Конец „были“ символичен и многозначителен – Фёдор и Вера, превыше всего ставившие деньги, получили их со смертью земского. Но деньги убивают всё человеческое, и потому вслед за радостью к ним приходит горе – начинают умирать их дети. Концовка „Инвалида Горева“ находится в соответствии с той глубоко гуманистической верой в победу добра и справедливости, в неизбежное возмездие за зло, которая была присуща Катенину ещё в годы его пылкой и бурной молодости»¹.

В сентябре 1833 года по материальным причинам Катенин вновь поступает на службу в Эриванский карабинерный полк Отдельного кавказского корпуса, участвует в военных экспедициях, в 1836 году назначается комендантом крепости Кизляр, но в 1838 году вступает в конфликт с начальством, выходит в отставку в чине генерал-майора и окончательно поселяется в Шаёве.

---

¹ *Ермакова-Битнер Г. В.* П. А. Катенин // Катенин П. А. Избранные произведения / вступ. ст., подготовка текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. М.; Л., 1965. С. 53–55.

Здесь он ведёт жизнь одинокого отшельника-чудака. Даже Пушкин, высоко ценивший Катенина, писал о нём П. А. Вяземскому в 1820 году: «Он опоздал родиться – и своим характером и образом мыслей весь принадлежит XVIII столетию».

9 мая 1853 года экипаж, в котором ехал Катенин, разбили лошади, и спустя две недели он умер, отказавшись от исповеди и причастия. Похоронили его в с. Бореево Чухломского уезда, а в 1955 году прах поэта перенесли в город Чухлому.

На могильной плите, по завещанию Катенина, сделана сочинённая им греческим гекзаметром надпись:

Павел, сын Александров, из роду Катениных. Честно
Отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой,
В Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила;
Зла не творил никому и мене добра, чем хотелось.

Сочинения П. А. Катенина

Стихотворения / вступ. ст. и ред. Вл. Орлова. – Л., 1954.

Избранные произведения / вступ. ст., подготовка текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. – М.; Л., 1965.

Размышления и разборы /сост., подгот. текста, вступ. ст. Л. Г. Фризмана. – М., 1981.

Литература о творчестве П. А. Катенина

Григоров А. А. Катенины. Усадьба Клусеево и катенинский род / А. А. Григоров // Из истории костромского дворянства. – Кострома, 1992.

Илюшин А. А. Поэтическое наследство Катенина / А. А. Илюшин // Вопросы литературы. – 1966. – № 4.

Катенинские чтения: тезисы докладов. – Кострома, 1992.

Касторский В. В. Писатели-костромичи / В. В. Касторский. – Кострома, 1958.

Лобкова Н. А. Костромские годы Катенина / Н. А. Лобкова // Вечные всходы: сб. – Ярославль, 1986.

Сапрыгина Е. В. Костромская вотчина Катениных / Е. В. Сапрыгина. – Кострома, 1992.

Сапрыгина Е. В. Соревнователи, или Путь на Парнас / Е. В. Сапрыгина. – Кострома, 1999.

Сапрыгина Е. В. Стражи времени / Е. В. Сапрыгина. – Кострома, 2005 (раздел «П. А. Катенин и его окружение»).

Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин / Ю. Н. Тынянов // Пушкин и его современники. – М., 1969.

Рекомендации по работе с материалом учебного пособия

1. Подготовьте сообщения по темам: «Катенин и декабристы», «Позиция П. А. Катенина в литературных спорах о романтизме», «П. А. Катенин как деятель русского театра».

2. Выпишите из статьи пособия наиболее важные суждения о роли Катенина и его месте в литературном процессе первой половины XIX века.

3. Расскажите о литературном соперничестве Катенина и Жуковского в переводе баллады Г. Бюргера «Ленора». Объясните, почему победителем в этом споре считают Катенина. Согласны ли вы с этой точкой зрения?

Задания для самостоятельной работы

1. Проанализируйте балладу Катенина «Наташа». В чём она перекликается с «Усладом и Всемилой» Н. Ф. Грамматина? Как выразилось в балладе представление автора о народности литературного творчества?

2. Подготовьте выразительное чтение баллады «Убийца». Попробуйте объяснить, почему именно это произведение Катенина высоко оценил Пушкин.

3. Подготовьте историко-литературный комментарий к были «Инвалид Горев». Докажите, что в этом произведении проявилось литературное новаторство Катенина.

4. Познакомьтесь с фрагментами романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов», изображающими Александра

Ивановича Коптина. Прототипом этого героя считается П. А. Катенин. Как вы думаете, какие черты личности Катенина оказались для Писемского наиболее привлекательными, а какие – неприятными? Чем обусловлено его отношение к своему герою?

***Темы докладов, рефератов,
исследовательских работ***

1. Катенин и Пушкин.
2. Катенин как переводчик, критик и теоретик литературы.
3. Гражданские мотивы в творчестве П. А. Катенина.

***Задание для организации
проектной деятельности***

Подготовьте инсценировку наиболее ярких фрагментов пьесы П. А. Катенина и А. С. Грибоедова «Студент». В качестве пролога или эпилога к спектаклю можно использовать короткий литературоведческий комментарий, объясняющий творческую историю пьесы и причины её цензурного запрета.

З а к л ю ч е н и е

«„Малая родина“ – душа человека, и тот, кто окончательно забыл и покинул её, потерял и душу», – говорил В. Г. Распутин. «И хотя мы покидаем родные места, всё-таки мы снова и снова возвращаемся к ним, как бы ни грешили знакомством с другими краями. Потому что жить без этой „малой родины“ невозможно», – вторил ему В. И. Белов.

Какие же приметы «малой родины» остались в произведениях писателей, связанных с Костромским краем? Что отличало их творчество от творчества литературных собратьев, выходцев из других мест России? Ведь земля наша велика и обильна: «северная полоса России резко отличается от средней, а средняя – от южной. Переезд из Архангельска в Астрахань, с Кавказа в Уральскую область, – всё равно, что переезды из одного мира в другой», – писал В. Г. Белинский. В чём же заключалось неповторимое своеобразие костромской земли?

Решающую роль тут сыграл географический фактор. Костромское дворянство скудного Нечерноземья было несравнимо более бедным, чем богатые дворяне плодородного подстепья России. Оно состояло в основном из мелкопоместных дворян или даже однодворцев, жизнь которых мало чем отличалась от подвластных им крестьян. Мельник у А. О. Аблесимова говорит:

Сам помещик, сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам и пашет, сам орёт
И с крестьян оброк берёт.

В автобиографии А. Ф. Писемский замечал, что дед его ходил в лаптях и сам пахал землю. Писатели-костромичи оказались более органично связаны с народной культурой. Родоначальник русского театра Фёдор Волков начал свой

творческий путь сочинением стихов в народном духе. Да и любовь его к театру питалась популярными в Костромском крае народными представлениями. С. В. Максимов так писал об этом в очерке «Крестьянские посиделки в Костромской губернии» (1854): «Из дверей и с полатей раздались радостные, громкие крики: „Нишкните-ко, ребята, ряженные идут!“ <...> Началось представление, столь нередкое в деревнях, сёлах и на площадях наших отдалённых уездных городков, сопровождаемое невозмутимой тишиной».

П. П. Свињин в очерке «Кострома» впервые обратил внимание на другие особенности жизни крестьян Костромского края: «...во многих деревнях Чухломского, Галичского, Нерехотского и Солигалицкого уездов остаются на лето одни старики, дети и женщины...» Отход мужского населения в города оказал существенное влияние на характер и культурные особенности костромского крестьянства. В своей «Картины России и быт её разноплемённых народов» Свињин показал костромского мужика артистом, мудрецом и философом, смышлёным и бойким. Скучная земля русского Нечерноземья ставила его перед трудным вопросом: как прокормить растущую семью? Суровая природа русского Севера заставляла его проявлять особую изобретательность в борьбе за существование. Издревле крестьяне Костромского края занимались плотницким ремеслом, определялись каменщиками и штукатурами, овладевали ювелирным искусством, резьбой по дереву, изготовляли сани, колёса и дуги. Уходили они и в бондарный промысел, не чуждо им было и гончарное мастерство. Бродили по дорогам портные, лудильщики, землекопы, шерстобиты, гоняли лошадей лихие ямщики, странствовали по лесам да болотам с утра до вечера зоркие и чуткие охотники, продавали по сёлам и деревням нехитрый красный товар плутоватые коробейники. Желая с выгодой для семьи употребить свои рабочие руки, устремлялись мужики в города: губернские – Кострому и Ярославль, столичные –

Петербург да первопрестольную Москву-матушку, доби-
рались и до Киева, а по Волге – и до самой Астрахани.
«Известно, что Галицкие плотники и печники почитают-
ся лучшими в государстве, – писал Свиньин. – И про-
чие ремесленники, нужные в домашнем быту, находятся
здесь во множестве». Лучшие страницы своих очерков
Свиньин посвятил талантливым русским людям – само-
учкам из простонародья: самородным механикам, худож-
никам, изобретателям.

У костромского крестьянина, умного, ловкого, даро-
витого, складывался особый характер, непохожий на осед-
лого, патриархального хлебороба, жизненный горизонт
которого ограничивался деревенской околицей. Отходник
далеко побывал, многое повидал. На стороне он не чувст-
вовал повседневного гнёта со стороны помещика или
управляющего, дышал полной грудью и на мир смотрел
широко открытыми глазами. Таков, например, характер
хитроумного Мельника в комической опере А. О. Аблеси-
мова «Мельник – колдун, обманщик и сват».

А с другой стороны, отход порождал особый тип
женщины – умной, гордой и независимой. Костромской
статистик Д. И. Жбанков писал: «Всякому, посетившему
летом северо-западную часть Костромской губернии,
невольно вспомнится мифологическое царство ама-
зонок. Всегда и везде, во всех проявлениях крестьян-
ской жизни, на всех работах наблюдается поразитель-
ное преобладание женщин. И действительно, благодаря
отсутствию в это время мужчин, женщины являются
главными хозяйками и почти единственными работни-
цами. Привыкшая обходиться одна, без мужской вла-
сти и помощи, костромичка вовсе не похожа на забитую
крестьянку земледельческой полосы: она независима,
самостоятельна, полная хозяйка в доме не только без
мужа, но и при нём, так как малосведущие в хозяйстве
мужья невольно подчиняются жёнам. И вообще равен-
ство женщины с мужчиной сказывается почти везде
и во всём».

Эта независимость женщины от семейного деспотизма, это равенство её с мужчиной точно подмечено Аблесимовым в отношениях Фетиньи с её мужем Анкудином:

Анкудин.

Мне на спорщицу-женицу
Купить добрую плетищу.
Настрехать её спинущу...
Будем жить, как я хочу.

Фетинья.

А я старому хрычу
Сама втроя отплачу...

Женская эмансипация случилась до времени не только в жизни костромских крестьянок. Поскольку костромское дворянство было связано с крестьянством тесными узами, подобные женские характеры появлялись и в дворянской среде. Далеко не случайно, что рождение профессиональной женской поэзии связано с Костромой, с творчеством А. И. Готовцевой и Ю. В. Жадовской.

Под стать сильным характерам костромичей оказывалась и природа края. Вслед за П. А. Вяземским с его стихами «Вечер на Волге» П. П. Свиньин писал: «Но если кто хочет видеть один из прелестнейших ландшафтов, видеть величественную Волгу во всей красоте и деятельности, то пусть переедет на противоположный берег, в Селище, и оттуда полюбуется на город в тихий летний вечер, когда закатывающееся солнце подёрнет золотом красные, белые, зелёные верхи зданий и садов, и в глубине прозрачных вод выстроится другой волшебный город, совершенное подобие первого, но ещё милевиднее, ещё живее от движения перебегающих струй. К довершению наслаждения слух нежится вместе со зрением, тысячи звуков долетают с барок, разукрашенных и подвигающихся плавно, как гордые лебеди, по течению быстрой реки. На одной раздаётся стройная круговая песня, с другой доносится заунывное пение рулевого или трели рожка кручинного доброго

молодца, тоскующего об оставленной им далеко подруге, а по зеркалу бездонной Волги, кажется, движется другой подобный флот...»

У всех писателей-костромичей ярко выражены демократические симпатии. Они проявляются по-своему и в русских песнях Н. Ф. Грамматина, и в «простонародных» балладах П. А. Катенина, и в его поэтической были «Инвалид Горев». Писателям-костромичам дорог живой интерес к великорусскому языку, к жизни мелкопоместного дворянства, к быту купеческих и мещанских слоёв провинциального общества, к судьбе крепостного крестьянина. Им чужд утончённый аристократизм; все они унаследовали врождённый артистизм, любовь к театральному действию. Все они остаются в душе непоседами-путешественниками – «очарованными странниками» русской литературы. И всегда в их творчестве исключительную роль играет любовь к родной природе и к Волге, образ которой навсегда остаётся ключевым как в народном творчестве волжан-костромичей, так и в произведениях художников, музыкантов и литераторов, кровно связанных с Костромским краем.

Оглавление

Введение	3
Фёдор Григорьевич ВОЛКОВ	9
Александр Онисимович АБЛЕСИМОВ	20
Николай Фёдорович ГРАММАТИН	42
Павел Петрович СВИНЬИН	63
Пётр Андреевич ВЯЗЕМСКИЙ	83
Анна Ивановна ГОТОВЦЕВА	99
Павел Александрович КАТЕНИН	112
Заключение	134

Учебное издание

Лебедев Юрий Владимирович,
Романова Алена Николаевна

ЛИТЕРАТУРА КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Вторая половина XVIII – первая половина XIX века

Учебное пособие

Редактор *Н. А. Невская*
Компьютерная верстка *И. М. Ивановой*

Подписано в печать 25.06.2018

Формат 60×90/16

Усл. печ. л. 8,75

Тираж 50 экз.

Заказ № 185

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17.
Тел.: 49-80-84. E-mail: rio@kstu.edu.ru